

Абашевская и сейминско-турбинская проблематика

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.122.150>**СРЕДНЕВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА
И КУЛЬТУРА КОЛОКОЛОВИДНЫХ КУБКОВ:
НАБРОСКИ К СЕМЕЙНОМУ ПОРТРЕТУ**

© 2022 г. Р.А. Мимоход

Статья посвящена анализу механизмов формирования средневожской абашевской культуры. Она сформировалась в условиях резкой аридизации периода 2200 CalBC. Ее возникновение имело взрывной и скоротечный характер. Большинство стандартов обрядово-инвентарного комплекса культуры не имеют местных прототипов, а появляются в регионе в уже сложившемся виде. Это касается как погребального обряда, так и материальной культуры, где новации ярче всего прослеживаются в керамике и гарнитуре украшений, которые, как известно, могут выступать в качестве этнографических индикаторов. Структурные аналогии всему комплексу средневожских абашевских новшеств можно найти в культуре колоколовидных кубков и раннебронзовых культурах периода Bz A1, по П. Рейнеке, в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе. На основании этого можно сделать вывод, что формирование абашевской культуры связано с дальнедистанционной миграцией отдельных групп европейского населения из указанных регионов в Среднее Поволжье. Их контакт с местными фатьяновско-балановскими социумами привел к возникновению такой яркой и самобытной культуры как средневожская абашевская.

Ключевые слова: археология, средневожская абашевская культура, культура колоколовидных кубков, Центральная Европа, карпато-дунайский регион, обрядово-инвентарный комплекс, хронология, аридизация, миграции.

**MIDDLE VOLGA ABASHEVO CULTURE
AND BELL BEAKER CULTURE:
FAMILY PORTRAIT SKETCHES**

© 2022. R.A. Mimokhod

The paper considers an analysis of the formation mechanisms of the Middle Volga Abashevo culture. It was formed in conditions of a sharp aridization of the period 2200 CalBC. Its occurrence was rapid and abrupt. Most of the standards of the ritual and inventory complex of the culture do not have local prototypes. They appeared in the region in an already established form. This applies to both the funeral rite and material culture, where innovations are most clearly seen in ceramics and jewelry sets, which, as is known, can act as ethnographic indicators. Structural analogies to the entire complex of the Middle Volga Abashevo innovations can be found in the culture of Bell Beaker Culture and Early Bronze cultures of the Bz A1 period, according to P. Reinecke, in Central Europe and the Carpathian-Danube region. Based on this, one can conclude that the formation of the Abashevo culture is associated with long-distance migration of certain groups of the European population from these regions to the Middle Volga region. Their contact with the local Fatyanovo–Balanovo communities led to the emergence of such a bright and original culture as the Middle Volga Abashevo.

Keywords: archaeology, Middle Volga Abashevo culture, Bell Beaker culture, Central Europe, Carpathian-Danube region, ritual inventory complex, chronology, aridization, migrations.

Средневожская абашевская культура (СВАК) представляет собой яркое и своеобразное культурное образование. Она занимает компактную территорию в Среднем Поволжье в рамках части территории Нижегородской области, Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской республик (рис. 1) (Кузьмина, 1992; 2000; 2021, рис. 1; Большов, 2003). СВАК просуществовала не более 250 лет в пределах 2200–1900 CalBC (Кузьминых,

Мимоход, 2016, с. 41; Мимоход, 2018, с. 57). Формирование культуры имело взрывной и скоротечный характер. По всем основным стандартам обрядово-инвентарный комплекс средневожского Абашева кардинально отличается от предшествующего субстрата, который представлен фатьяновской культурой. Нет смысла отрицать, что последняя приняла участие в формировании СВАК в качестве местного генетического субстрата. Это

Рис. 1. Территориальное соотношение ККК (по: Демченко, 2009) и СВАК.
Fig. 1. Territorial correlation of KKK (after: Demchenko, 2009) and SVAK.

устоявшаяся историографическая традиция (Бадер, 1940, с. 87; Кривцова-Гракова, 1947, с. 98; Смирнов, 1948, с. 18; Калинин, 1952, с. 57; Сальников, 1954, с. 82–89; Смирнов, 1958, с. 19, 20; 1961, с. 21; Евтюхова, 1961, с. 6, 7¹; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 84, 85). На современном этапе наиболее последовательной сторонницей оценки фатьяновского компонента как основного в сложении СВАК является О.В. Кузьмина (1999, с. 154; 2000, с. 98; 2001; 2000а, с. 65; 2002, с. 181; 2003). Следует также отметить, что концепция единой генетической линии Фатьяново/Баланово – средневолжское Абашево неоднократно подвергалась обоснованной критике (Бадер, 1950, с. 81; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 85; Мерперт, 1961, с. 154; Халиков, 1961, с. 220, 221; Евтюхова, 1964, с. 119, 120; Халиков и др. 1966, с. 26; Соловьев, 2000, с. 71, 72). Действительно, сведение происхождения средневолжских абашевских древностей к линейной генетической преемственности с фатьяновской и балановской культурами серьезно упрощает ситуацию и никак не объясняет целый комплекс новаций в погребальном обряде и инвентаре, который является сутью феномена СВАК. Последний не демонстрирует сколь-нибудь отчетливой

связи с местной подосновой. Такая резкая культурная трансформация, которая приходится на время 2200 CalBC, позволяет расценивать основной компонент средневолжского Абашева в качестве пришлого (Мимоход, 2018, с. 57). Иными словами, миграционный импульс сыграл решающую роль в генезисе СВАК.

Эта идея не нова. Целый ряд исследователей справедливо отмечали неместный характер абашевской культуры в Среднем Поволжье (Евтюхова, 1961, с. 28; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 89; Халиков, 1961, с. 222; Халиков и др., 1966, с. 27; Бадер, 1970, с. 67). Она появляется здесь «с уже сложившимися культуроопределяющими признаками» (Большов, 2003, с. 44; 2006, с. 111). Однако какого-либо более или менее четкого представления о том, где расположен исходный ареал миграции и носители каких культурных традиций были вовлечены в этот процесс, в историографии так и не сложилось. Отдельные попытки разобраться с этим вопросом предпринимались. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков обозначили возможный вектор движения групп, которые стимулировали сложение абашевской культуры в Среднем Поволжье с запада на восток. Исследователи предположили, что одним из

основных компонентов формирования СВАК могла стать среднеднепровская культура. Обе культуры они назвали «двоюродными сестрами» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 86, 87). Н.Я. Мерперта подобное предположение заинтересовало, и он отметил, что «роль западных элементов в формировании абашевской культуры... должна привлечь самое пристальное внимание» (Мерперт, 1961, с. 154). При этом уже тогда было очевидно, что при некоторых сходствах эпохального характера разница в обряде и инвентаре СВАК и среднеднепровской культуры слишком велика. В результате эта гипотеза почти сразу же подверглась критике (Халиков и др., 1966, с. 27). Однако западный импульс в происхождении СВАК от этого не потерял своей актуальности, тем более что его наличие для предшествующей фатьяновской культуры, которая является восточной периферией шнуrowого мира, особых сомнений не вызывает.

Не так давно был поставлен вопрос о том, что формирование СВАК, которое, как уже отмечалось, носило взрывной характер и не демонстрировало линейной генетической преемственности с предшествующим фатьяновским субстратом, было связано с прямой миграцией на Среднюю Волгу культурных групп из Центральной Европы и карпато-дунайского региона. Особенно отрандно, что у истоков этой концепции стоял и наш юбиляр Сергей Владимирович (Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 43). Особая роль в этой миграции принадлежала центральноевропейской культуре колоколовидных кубков (ККК). Краткая, но структурированная система аргументации этой гипотезы уже была приведена (Мимоход, 2018, с. 40, рис. 5–7). Несмотря на ее в определенном смысле «революционность»², концепция сразу же вызвала интерес и поддержку у коллег (Медникова, 2018, с. 384, 385; 2019, с. 335; Ткачев, 2018, с. 519; Grigoriev, 2019, p. 227; Григорьев, 2020, с. 63; 2020а, с. 27; Корякова, Пантелеева, 2021, с. 44; Литвиненко, 2021, с. 14; Медникова и др., 2021, с. 310, 318, 319; Энговатова и др., 2021, с. 148, 149; Неуд, 2021).

Попробуем разложить проблему на составные части с точки зрения источников и историографии.

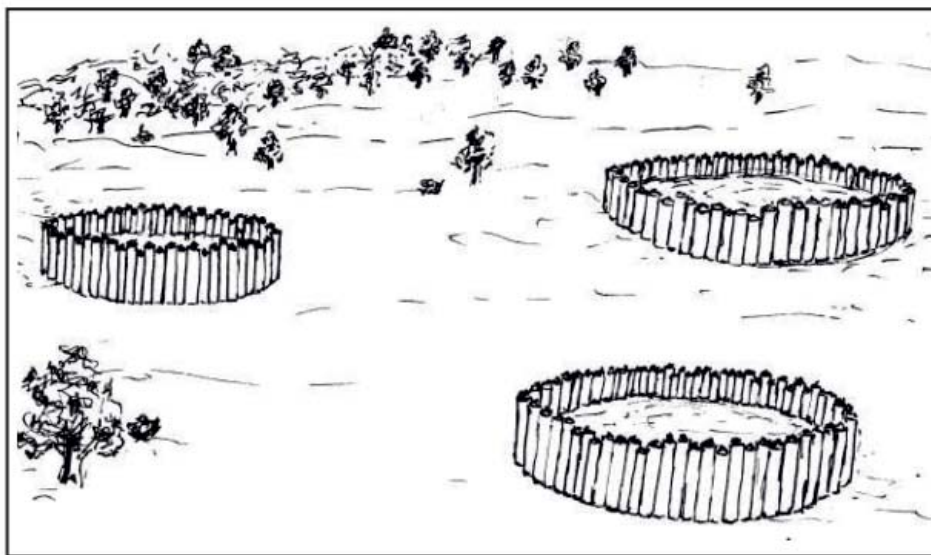
Погребальный обряд СВАК выглядит явно чуждым для региона. Нет никаких местных прототипов для оформления погребальных площадок в виде круглых столбовых оград, которые являются одной из визитных карточек абашевских древностей Среднего Повол-

жья. Зафиксированы такие сооружения в южноуральской и доно-волжской абашевских культурах (Пряхин, 1977, с. 11, рис. 3: Б, 4; Горбунов, 1976, с. 22–23; 1986, с. 38; табл. XI, XII). Подобная система оформления погребальных площадок неизвестна в неабашевских культурах бронзового века Восточной Европы. Это точно подметил Н.Я. Мерперт и конкретно для региона указал, что «в памятниках фатьяновской культуры никаких подобных сооружений не обнаружено» (Мерперт, 1961, с. 156). Отмечал этот факт и А.П. Смирнов (1961, с. 19). Сооружения, аналогичные круговым столбовым оградкам средневожского Абашева, известны только в ККК Моравии (Bálek et al., 1999, tab. 5; Dvorak et al., 2004; Turek, 2006, p. 176, fig. 5, 7). Достаточно сравнить реконструкции погребальных площадок для этих двух регионов (рис. 2). Структурное соответствие вряд ли удастся оспорить. Правда можно сделать замечание на предмет того, что на памятнике ККК Tvořínhráz в Чехии (рис. 2: 2) в реконструкции столбы стоят вплотную друг к другу в отличие от визуализации погребальной площадки мог. Пикшик, где ограда выглядит более разреженной (рис. 2: 1). При всей несущественности данного наблюдения в отношении структурных соответствий, которые, кроме этих двух регионов и культурных ареалов, нигде не зафиксированы, следует в очередной раз процитировать Н.Я. Мерперта. Он писал, что «ограды пикшикских погребальных площадок состояли из вертикально вбитых кольев и представляли собой частокол с интервалами, редко превышавшими 20 см» (Мерперт, 1961, с. 145).

Еще одно прогнозируемое замечание, на этот раз более существенное, заключается в том, что действительно у ККК на территории Чехии, равно как и в остальных регионах Центральной и Западной Европы, обряд является главным образом бескурганым, т. е. захоронения и ограды в Моравии сооружались с уровня древнего горизонта и возведение над ними насыпей не предусматривалось погребальной практикой. На территории Среднего Поволжья в очерченных выше регионах как раз именно со времени возникновения СВАК появляется курганная традиция, когда насыпи окружены столбовыми оградками. Казалось бы, налицо серьезные различия погребальных обрядов на уровне мировоззренческих стереотипов, и структурные соответствия круговых столбовых оград СВАК и ККК даже на уровне эксклюзивности и узкой хронологической и территориальной локализации становятся

1

2

Рис. 2. Реконструкции погребальных сооружений со столбовыми конструкциями СВАК и ККК Моравии.
1 – реконструкция по материалам СВАК (по: Мерперт, 1961); 2 – реконструкция по материалам ККК Моравии
(по: Dvorak, Matejickova, Sebela, 2004).

Fig. 2. Reconstruction of burial structures with pillar frameworks of SVAK and KKK of Moravia.
1 – reconstruction based on SVAK materials (after: Merpert, 1961); 2 – reconstruction based on the materials of KKK
of Moravia (after: Dvorak, Matejickova, Sebela, 2004).

второстепенным признаком. Выход из этого псевдотупика лучше проиллюстрировать цитатами из работ наших основоположников. О.А. Кривцова-Гракова отмечала по материалам раскопок у с. Абашево, что «отдельные группы могил более или менее продолжительное время оставались без насыпей и представляли собой обыкновенный грунтовый могильник... Лишь по прошествии известного времени производилась насыпка курганов» (Кривцова-Гракова, 1947, с. 93). Эта интер-

претация была поддержана данными средне-волжских могильников Васюковский (Калинин, 1952, с. 55), Тауш-Касы (Акимова, 1950, с. 150) и Пикшик (Мерперт, 1960, с. 28, 29). В отношении последнего Н.Я. Мерперт писал: «...были ли деревянные сооружения с самого начала покрыты курганной насыпью, строились они как заведомо подкурганные сооружения? На последний вопрос можно совершенно определенно дать отрицательный ответ» (Мерперт, 1961, с. 144), и далее «первоначаль-

но деревянные ограды стояли открытыми и не были рассчитаны на покрытие земляной насыпью» (Мерперт, 1961, с. 145)³. Иными словами, в погребальном обряде СВАК мы видим процесс перехода от традиции устройства грунтовых могильников, которая практиковалась в исходном ареале, к курганным, что вполне закономерно с учетом неизбежных контактов мигрантов с южными курганными культурами. Впрочем, наличие курганных насыпей в средневожском Абашеве объясняется не только этими контактами. Дело в том, что в самой ККК Центральной Европы существовала традиция сооружения насыпей, хотя и не была развитой⁴. Так, немногочисленные курганы ККК известны в Центральной Германии и Чехии (Turek, 2006, р. 171, 173). Как уже было отмечено, в этом же регионе зафиксированы и округлые столбовые ограды (рис. 2: 2), аналогичные средневожским абашевским (рис. 2: 1). Вполне сопоставимы и размеры средневожских абашевских курганов и насыпей носителей колоколовидных традиций, которые в среднем составляют 7–12 м (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 48; Смирнов, 1961, с. 15; Turek, 2006, р. 174). Известен в СВАК и другой тип оформления погребальной площадки – ровики округлой формы (Халиков, 1959, с. 149, рис. 3; 1961, рис. 7, 46, 47, 52, 61, 62). Аналогичный тип сооружения является визитной карточкой для могильников ККК Центральной Европы (Turek, 2006).

Для Среднего Поволжья очень специфическим выглядит погребальный обряд СВАК, а именно скорченное на спине положение скелета (рис. 3: 1–13). Исследователи отдельно отмечали отсутствие связи между абашевским и фатьяновским погребальным обрядом (Халиков, 1961, с. 220; Евтюхова, 1964, с. 119, 120)⁵, т. е. какая-либо местная подоснова, на которой могла сформироваться такая специфическая норма погребального ритуала, попросту отсутствует. В свое время именно скорченное на спине положение скелета привело к возникновению весьма своеобразной идеи о том, что в сложении СВАК приняла участие ямная культура (Евтюхова, 1961, с. 12; 1961а, с. 28; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 86; Халиков, 1961, с. 222, 226; Бадер, 1970, с. 65; Кузьмина, 2001, с. 156, 157), где такой обряд был стандартным и культуроопределяющим. Логику этих исследователей понять можно. Ямная культура была единственным культурным образованием, близким в территориальном отношении СВАК, где повсеместно практиковался обряд со скорченной на спине

позицией. Сейчас эта гипотеза не выдерживает критики. Во-первых, эти культуры занимали разные природные зоны: ямная – степь и лесостепь, средневожская абашевская – юг лесной зоны. Во-вторых, хронологический разрыв между ними в Поволжье составляет не менее 500 лет, и потому говорить о генетической связи между ямной культурой и СВАК не приходится. Кроме того, следует обратить внимание, что в ямной традиции практиковался не совсем тот обряд, который представлен в средневожском Абашеве. В первом случае умерших укладывали на спину, а ноги поднимали коленями вверх, во втором – это действительно скорченная на спине позиция, т. е. ноги не поднимали коленями вверх, а чаще всего просто клали на дно могилы в согнутом состоянии.

Полностью аналогичный средневожскому абашевскому обряд представлен в ККК Центральной Европы⁶. Здесь мы имеем ту же скорченную на спине позицию (рис. 3: 14–27), что и на Средней Волге (рис. 3: 1–13). Особое внимание следует обратить на положение рук в обоих культурных ареалах. Оно полностью идентично и серьезно отличается от ямной традиции, для которой стандартной нормой считались вытянутые вдоль тела руки. В ККК и СВАК верхние конечности почти всегда согнуты. Причем мы можем наблюдать совпадения позиций рук вплоть до деталей. В обеих культурах нередко встречается положение, при котором руки согнуты в локтях под прямым углом, а предплечья параллельны друг другу либо кисти скрещены на животе (рис. 3: 1–3, 5, 6, 9, 17, 19, 21–23, 27). В СВАК встречаются позиции, когда обе руки согнуты в локтях под острым углом и кисти направлены в сторону головы (рис. 3: 8, 10), такие же позиции характерны и для ККК (рис. 3: 28). И даже когда в погребениях СВАК и ККК руки протянуты к тазу, они все равно имеют слабую согнутость (рис. 3: 4, 7, 11, 13, 16, 18, 24). Столь точные совпадения в положении скелетов в захоронениях данных культур в совокупности с другими структурными соответствиями не могут носить случайный характер.

Кроме того, следует отметить еще одну любопытную деталь. В обеих культурах существует традиция захоронения умерших в деревянных прямоугольных конструкциях типа колод-гробов (рис. 3: 4, 12, 13, 27) (Turek, 2006, р. 175). Это хорошо опознаваемая общеевропейская традиция. Эти конструкции появляются еще в ККК и широко распространяются в культурах раннего бронзового века Vz A1–A2

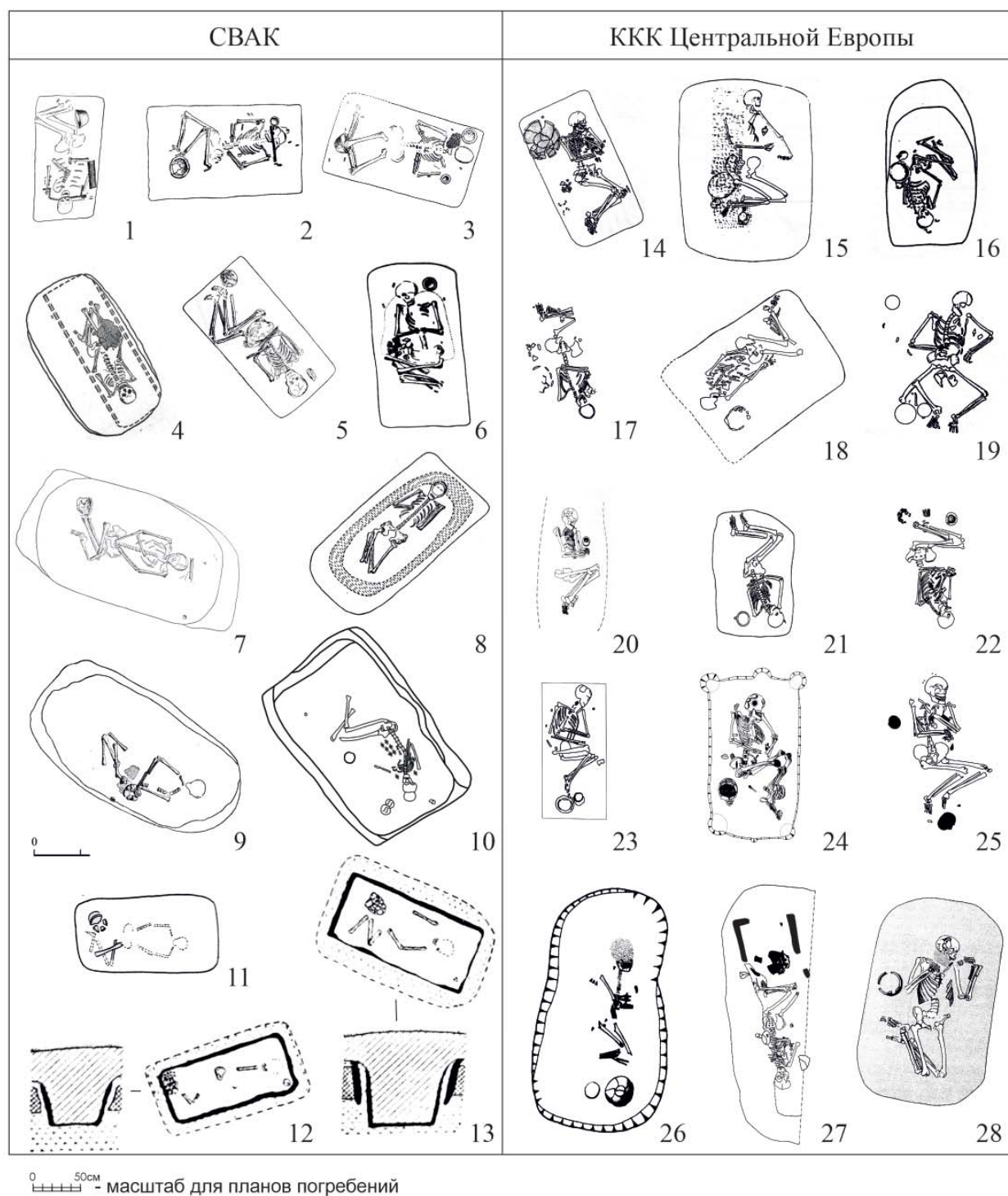

Рис 3. Погребальный обряд СВАК и ККК Центральной Европы.

1 – Алгаши 1/3; 2 – Алгаши 4/3; 3 – Алгаши 4/1; 4 – Пепкинский курган п.3; 6 – Алгаши 4/2; 5 – Виловатский II 2/3; 7 – Виловатский II 3/1; 8 – Виловатский II 8/1; 9 – Тапшерский 2/2; 10 – Старший Никитский могильник п.12; 11 – Абашево 1/1; 12 – Пикшик 12/3; 13 – Пикшик 15/1; 14 – Oberstimm п.2; 15 – Brandysek I п.71; 16 – Knezeves I п.13; 17 – Bad Nauheim; 18 – Hummetroth; 19 – Samborzec п.III; 20 – Dobre 6 п.XVIII; 21 – Wzgórze Zawichojskie; 22 – Strachów; 23 – Aufhausen; 24 – Holubice п.5; 25 – Landau-SüdOst; 26 – Dvory u Nymburka п.2; 27 – Kölsa п.9; 28 – Kornwestheim.

Fig. 3. Burial rite of SVAK and KKK of Central Europe.

1 – Algashi 1/3; 2 – Algashi 4/3; 3 – Algashi 4/1; 4 – Pepkinsky barrow, burial 3; 6 – Algashi 4/2; 5 – Vilovatovo II 2/3; 7 – Vilovatovo II 3/1; 8 – Vilovatovo II 8/1; 9 – Tapshersky 2/2; 10 – Senior Nikitsky burial ground, burial 12; 11 – Abashevo 1/1; 12 – Pikshik 12/3; 13 – Pikshik 15/1; 14 – Oberstimm, burial 2; 15 – Brandysek I, burial 71; 16 – Knezeves I, burial 13; 17 – Bad Nauheim; 18 – Hummetroth; 19 – Samborzec, burial III; 20 – Dobre 6, burial XVIII; 21 – Wzgórze Zawichojskie; 22 – Strachów; 23 – Aufhausen; 24 – Holubice, burial 5; 25 – Landau-SüdOst; 26 – Dvory u Nymburka, burial 2; 27 – Kölsa, burial 9; 28 – Kornwestheim.

по П. Рейнеке Центральной Европы и Великобритании (Литвиненко, 2020, с. 368, рис. 5). В Восточной Европе, кроме СВАК, гробы-колоды серийно представлены в днепро-прутской бабинской культуре, где их происхождение также связывается с западными импульсами (Литвиненко, 2020, с. 367–369).

Таким образом, погребальный обряд средневожского Абашева и ККК проявляет очевидные черты структурного сходства, которые выражаются в первую очередь в использовании столбовых округлых оград при оформлении погребальных площадок и положении костяка. Еще раз отмечу, что никаких местных прототипов для погребальных традиций СВАК в Восточной Европе нет. Ближайшие прямые аналогии абашевскому обряду Среднего Поволжья происходят из материалов центральноевропейской ККК.

Для констатации прямой миграции из Центральной Европы и карпато-дунайского региона по археологическим данным структурных соответствий в погребальном обряде недостаточно. Необходимо, чтобы признаки этого процесса четко нашли отражение в материальной культуре.

Основу *инвентарного комплекса* СВАК составляют посуда и украшения из металла. Как известно, именно эти категории наиболее чувствительны к культурным трансформациям и хорошо отражают не только своеобразие культуры, но и раскрывают механизмы ее формирования, развития и межкультурных контактов.

Средневожская абашевская керамика так же, как и погребальный обряд, выглядит инородной для региона. Это было уже понятно более полувека назад. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков отмечали, что «в целом формы абашевской посуды существенно отличаются от фатьяновской. Происхождение этих форм следует искать в какой-то совершенно иной исторической среде» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 85). Об этом же писала и О.Н. Евтюхова: «...для установления генетической связи между фатьяновской и абашевской культурой по данным керамики нет никаких данных. О том же свидетельствуют и данные погребального обряда» (Евтюхова, 1964, с. 119, 120). Подробно рассматривал существенные различия между фатьяновско-балановской и средневожской абашевской керамикой А.Х. Халиков и Б.С. Соловьев (Халиков, 1961, с. 220, 221; Соловьев, 2000, с. 72).

Этой «совершенно иной исторической средой», в которой были выработаны основ-

ные керамические стандарты СВАК, была ККК Центральной Европы. В Среднем Поволжье в абашевской среде внезапно распространяется посуда колоколовидной формы (рис. 4: 1–8). Местных истоков она не имеет. Структурные соответствия посуде такой морфологии представлены в керамическом комплексе ККК (рис. 4: 11–18), для которой колоколовидность сосудов стала эпонимной. В СВАК хорошо представлены горшки с открытым устьем (рис. 4: 1–8), которое и придает посуде соответствующую форму. Такую же морфологическую схему демонстрирует и керамика ККК (рис. 4: 11–18). В обеих коллекциях есть горшки как с уплощенным и плоским дном (рис. 4: 3–8, 11, 13–18), так и округлодонная посуда (рис. 4: 1, 2, 12). В СВАК и ККК присутствуют сосуды с высоким расширяющимся горлом и ребром в нижней трети тулова (рис. 4: 6, 16). Полностью аналогичными выглядят горшки с коротким раструбным горлом и выраженным ребром в центральной части тулова (рис. 4: 7, 17). То же самое можно сказать и о кубках приземистых пропорций с резко расширяющимся горлом и с ребром в нижней части сосуда (рис. 4: 8, 18). Встречаются в обеих сериях баночная посуда открытой (рис. 4: 9, 19) и закрытой (рис. 4: 10, 20) формы.

Очень показательным выглядит и сравнение систем орнамента керамики СВАК и ККК (рис. 4). В свое время П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков отметили, что «в кругу памятников шнуровой керамики и колоколовидных кубков... следует, видимо, искать происхождение характерного метопического орнамента некоторых абашевских сосудов» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 87). По всей видимости, взятый из медицины термин «метопический»⁷ обозначает зональность и зигзагообразность/угловатость орнаментальных схем (рис. 4: 1–3, 7–10, 11, 13, 17–19). Действительно, СВАК и ККК роднит геометрический декор и четко выраженные горизонтальные орнаментальные зоны, которые могут состоять из двух-трех и более фриз. Причем декор покрывал сосуд с оставлением неорнаментированных частей в нижней (рис. 4: 1–3, 9, 10, 11, 13, 20) или верхней (рис. 4: 7, 12, 19, 20) части. В обеих коллекциях присутствует неорнаментированная посуда (рис. 4: 4–6, 14–16) и, наоборот, кубки, поверхность которых полностью покрыта зональным узором (рис. 4: 8, 18).

Находят взаимное соответствие композиционное построение орнамента и его элементы. На керамике обеих серий хорошо пред-

между ними неорнаментированных участков. Так как СВАК и ККК – это родственные, но все-таки разные культуры, следует отметить и различия в орнаментации их посуды. Так, для средневожского Абашева характерны фризы, образованные горизонтальными заштрихованными ромбами (рис. 4: 1–3). Такая система не сильно распространена в колоколовидной традиции, хотя отдельные сосуды с такой композицией тоже встречаются (Turek, 1998, fig. 7: 7, 8: 1; Liversage, 2003, p. 2:1). В свою очередь, на посуде ККК нередко встречается элемент в виде «бабочки» (рис. 4, 12, 13), который неизвестен на средневожской абашевской керамике. Еще одна характерная деталь для колоколовидной системы орнаментации – это наличие пустых (неорнаментированных) зон между фризами (рис. 4: 11, 13, 19). Данный прием также не характерен для СВАК.

Полностью соответствуют друг другу и техника орнаментации керамики в обоих культурных ареалах. И в колоколовидной, и средневожской абашевской традициях использовались три основных приема декорирования: зубчатый штамп (рис. 4: 1, 3, 7–10, 11–13, 18, 19), гладкий штамп и прочерчивание (рис. 4: 2, 17). Причем в обеих культурах предпочтение отдавалось зубчатой штампованной орнаментации. Наконец, следует отметить, что богато орнаментированные кубки в СВАК и ККК (рис. 4: 1–3, 7, 8, 11–13, 18) тщательно изготовлены, имеют равномерный обжиг и отличаются хорошей обработкой поверхности. В то же время отличается состав формовочной массы. Хорошо известно, что основным отощителем для средневожской абашевской керамики, равно как и для других абашевских культур, была толченая раковина. Подобная рецептура не характерна для ККК, что, впрочем, не удивительно с учетом того, что для изготовления керамики использовалось местное сырье и состав формовочной массы был обусловлен его особенностями.

Таким образом, несмотря на некоторые различия⁸, которые подчеркивают культурную специфику центральноевропейских и средневожских памятников, нельзя не признать, что как в морфологическом отношении, так и по системе орнаментации СВАК и ККК являются не просто «двоюродными сестрами», а связаны генетически напрямую.

Гарнитур украшений из металла средневожского Абашева находит убедительные параллели в культурах Центральной Европы и карпато-дунайского региона периода Vz A

по П. Рейнеке (рис. 5). Здесь следует отметить один очень важный момент. Дело в том, что, как было показано выше, погребальный обряд и керамический комплекс СВАК напрямую восходят к энеолитическим стандартам ККК Центральной Европы, в то время как гарнитур украшений связан своим происхождением с локальными центральноевропейскими и карпато-дунайскими культурами раннего бронзового века периода Vz A. Как и в предыдущих случаях, подавляющее большинство средневожских абашевских украшений не имеют местных прототипов. Их происхождение, равно как и некоторых типов фатьяновской культуры, связано с Центральной Европой и карпато-дунайским регионом (Сальников, 1967, с. 120; Бадер, 1971, с. 68–70; Кузьмина, 2001, с. 155, 156), в частности с унетичскими древностями. О.В. Кузьмина справедливо отмечает, что «именно эта культурная среда могла передать (СВАК – Р.М.) традиции формообразования украшений (подвески в полтора оборота, очковидные подвески, гривны, браслеты и перстни, плоские бляшки), так и технологию их изготовления – сворачивание спирали из проволоки и ковка украшений» (Кузьмина, 2010, с. 62). Действительно, именно здесь, в культурах европейского раннебронзового века, мы находим прямые аналогии подавляющему большинству абашевских украшений. В СВАК хорошо представлены очковидные подвески (рис. 5: 1), полностью аналогичные европейским экземплярам (рис. 5: 13). Мелкие скорлупковидные нашивные бляшки, которые в большом количестве встречаются в средневожских абашевских погребениях (рис. 5: 2), также хорошо известны в материалах раннебронзовых культур Центральной Европы и карпато-дунайского региона (рис. 5: 14). Причем здесь, как и на Средней Волге, в захоронениях нередко они встречаются наборами. Характерны для СВАК и культур Vz A бронзовые литые браслеты, округлые в сечении, с приостренными концами (рис. 5: 3, 13). Идентичны и спиральные кольца (рис. 5: 4, 16). Бронзовые накладки с отверстиями для нашивания округлой и полукруглой формы с пуансонным орнаментом, входящие в состав средневожского абашевского гарнитура украшений (рис. 5: 5), находят убедительные соответствия в европейских культурах. Есть сходства и в орнаментальных композициях (рис. 5: 17). Спиралевидные и гладкие пронизи, свернутые из пластины, которые внезапно появляются в СВАК (рис. 5: 6, 7),

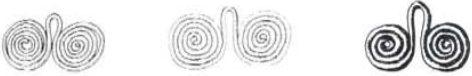

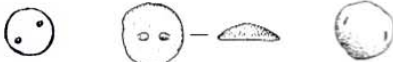

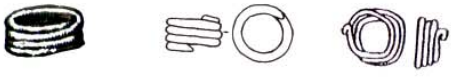

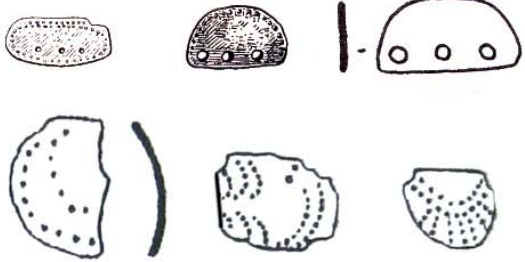
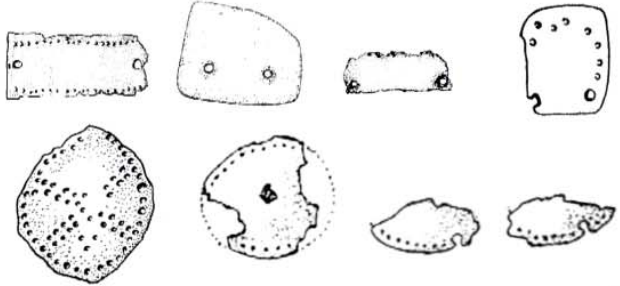

СВАК	культуры Центральной Европы и карпато-дунайского региона BrA
 <p style="text-align: right;">1</p>	 <p style="text-align: right;">13</p>
 <p style="text-align: right;">2</p>	 <p style="text-align: right;">14</p>
 <p style="text-align: right;">3</p>	 <p style="text-align: right;">15</p>
 <p style="text-align: right;">4</p>	 <p style="text-align: right;">16</p>
 <p style="text-align: right;">5</p>	 <p style="text-align: right;">17</p>
 <p style="text-align: right;">6</p>	 <p style="text-align: right;">18</p>
 <p style="text-align: right;">7</p>	 <p style="text-align: right;">19</p>
 <p style="text-align: right;">8</p>	 <p style="text-align: right;">20</p>
 <p style="text-align: right;">9</p>	 <p style="text-align: right;">21</p>
 <p style="text-align: right;">10</p>	 <p style="text-align: right;">22</p>
 <p style="text-align: right;">12</p>	 <p style="text-align: right;">24</p>

Рис. 5. Украшения из металла и костяные пряжки СВАК и культур BrA Центральной Европы.
 Fig. 5. Metal jewelry and bone buckles of SVAK and BrA cultures of Central Europe.

серийно представлены в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе (рис. 5: 18, 19). Еще один тип – это комбинированная пронизь, часть которой является гладкой, а часть закручена в спираль. Эти достаточно сложные по технике изготовления украшения полностью аналогичны в Среднем Поволжье и в рассматриваемых регионах Европы (рис. 5: 8, 20). Также единым для обоих ареалов является еще один сложный тип украшения – подвески с обратной петлей (рис. 5: 9, 21). Ничем не отличаются друг от друга и спиральные перстни с завитком на конце (рис. 5: 10, 22). Подвески в 1,5 оборота с раскованными желобчатыми лопастями хорошо представлены в СВАК (рис. 5: 11). Точно такие же изделия присутствуют в центрально-европейских и карпато-дунайских раннебронзовых культурах (рис. 5: 23). О.В. Кузьмина (2002, с. 180) происхождение подвесок в 1,5 оборота связывает с фатьяновской культурой. Не отрицая этого факта, следует отметить, что генезис самих фатьяновских украшений этого типа она рассматривает как модификацию унетичских типов. Что касается морфологии подвесок в 1,5 оборота непосредственно СВАК, то тут трудно говорить о модификации, т. к. мы имеем дело с прямыми аналогиями центрально-европейским экземплярам (рис. 5: 11, 23). Абашевской модификацией является металл, который использовался для производства этих украшений на стадии становления культуры. В СВАК – это серебро, а в культурах Центральной Европы и карпато-дунайском регионе главным образом медь и бронза.

О.В. Кузьмина (2002а, с. 162) обоснованно рассматривает для СВАК как «абсолютную новацию... шитье мелкими металлическими полусферическими бляшками и спиральными пронизями». Попытки связать это явно чуждое для региона новшество с предшествующими местными культурами, в которых присутствуют гарнитуры украшений из костей и зубов животных, которые могли нашиваться на одежду (Кузьмина, 2001, с. 154; 2002а, с. 162), выглядят неубедительными. Слишком различны типы изделий, сырье и схемы расположения в костюме. Неудивительно, что полные соответствия богатому средневожскому абашевскому шитью мы находим в синхронных культурах карпато-дунайского региона и южной части Центральной Европы, в частности унетичкой, нитрянской, Муреш (Girić, 1971, tabl. XIX, XX, XXVI, XXVII, XLII, XLVI, LI, LIV, LVI, Ondraček, Šebela, 1985,

obr. 90; Matuschik, 1996, abb. 9: 1; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, abb. 16: 1).

Здесь можно наблюдать полное совпадение типов металлических украшений и их сочетаний в костюмах (рис. 6). Это касается спиральных пронизей, скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями и очковидных подвесок (рис. 6: 1–6, 8–11). Дело не только в том, что мы имеем синхронные, однотипные украшения и их идентичные сочетания в гарнитуре на столь отдаленных территориях. Особенно важным представляется то, что речь идет фактически о единой системе костюма в Среднем Поволжье и южной части Центральной Европы с примыкающим к ней карпато-дунайским регионом. Он включал в себя головные ленты-очелья, представленные полосками ткани или кожи с многочисленными мелкими нашивными украшениями. Причем они имеют близкие композиции с явно выраженной зональностью (рис. 6: 1, 8). Эти ленты в большинстве случаев были довольно длинными и, по сути, представляли собой своеобразные палантины, подобно тому, как это показано на реконструкции О.В. Кузьминой (2002а, рис. 5). Они могли окутывать верхнюю часть тела, включая голову (рис. 6: 2, 5, 8, 9), покрывать только голову, спускаясь длинной лентой вдоль спины (рис. 6: 3, 6, 10, 11), либо окутывать шею (рис. 6: 7, 12)⁹, как нередко женщины и сейчас носят современные палантины. Этот костюм в обоих регионах нередко дополнялся наручными браслетами (рис. 6: 5–7, 8, 9).

Сходство европейского женского костюма и средневожского абашевского носит не только структурный характер, но и совпадает в целом ряде деталей. Такие соответствия невозможно объяснить конвергентными процессами, особенно с учетом того, что в традиционных культурах именно гарнитуры украшений служит хорошо опознаваемым этнографическим индикатором. В эпоху бронзы сложно себе представить, что на столь далекие расстояния костюм путешествовал без его носителей.

В материалах СВАК присутствует еще одно показательное изделие с точки зрения европейского импульса в сложении культуры. Речь идет о поясной костяной пряжке из комплекса Алгаши 1/1. Она относится к кольцевидно-узкопланочному типу, отверстия для крепления глухого и свободного концов ремня находятся в одной плоскости (рис. 5: 12). Изделия близкого типа представлены в раннебронзовых культурах Центральной Европы

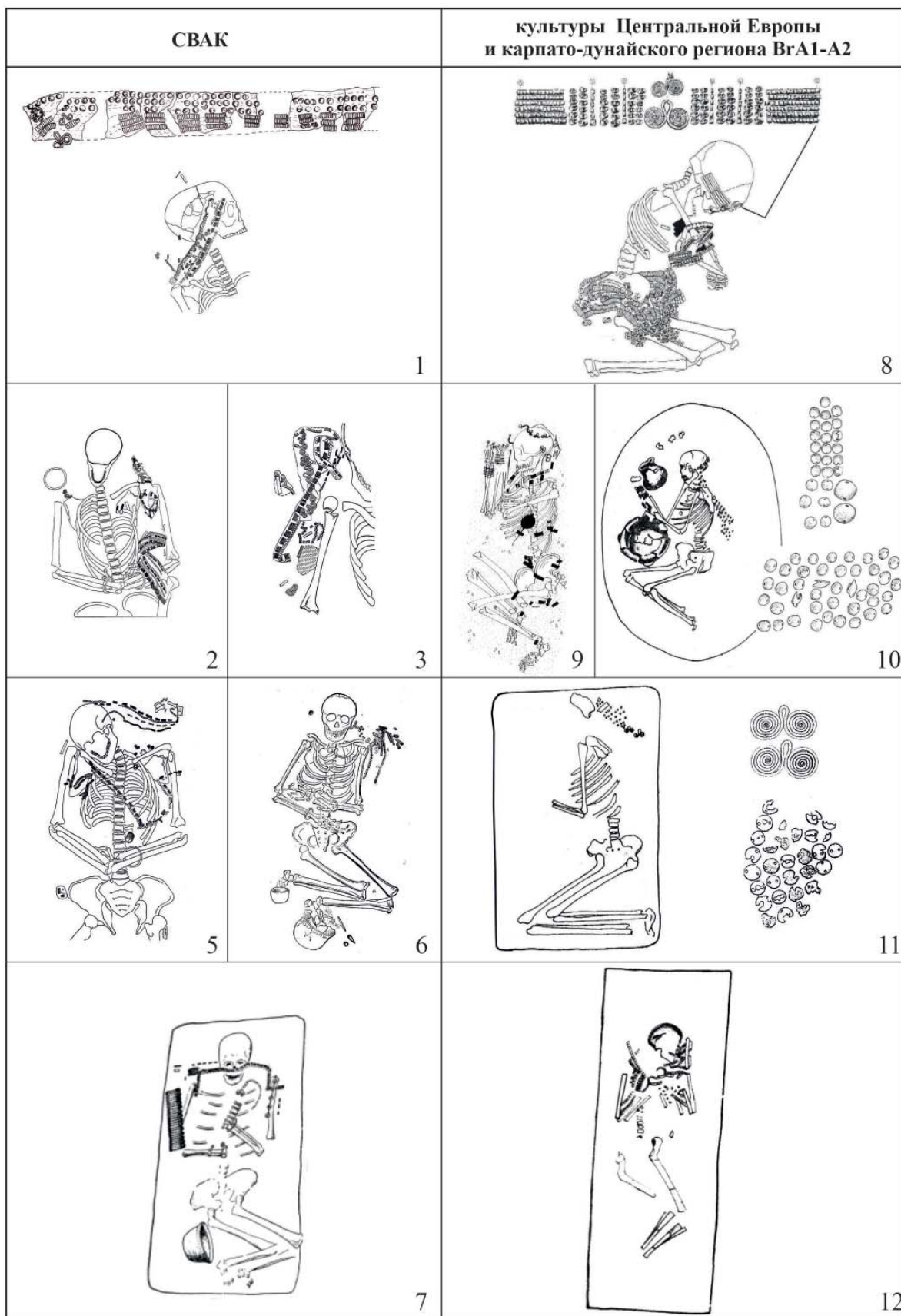

Рис. 6. Богатое шитьё мелкими бронзовыми украшениями на Средней Волге, в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе. 1-5 – II Виловатский могильник; 6 – Абашево; 7 – Алгашаи; 8 – Круча Замкова; 9 – Францхаузен; 10, 11 – Мокрин; 12 – Холешов.

Fig. 6. Rich embroidery with small bronze ornaments in the Middle Volga, Central Europe and the Carpathian-Danube region. 1-5 – II Vilovatovo burial ground; 6 – Abashevo; 7 – Algashi; 8 – Krucha Zamkova; 9 – Franzhausen; 10, 11 – Mokrin; 12 – Kholeshov.

(рис. 5: 24). Серия таких предметов известна и в ККК (рис. 5: 24) (Sangmeister, 1984, abb. 8: 4, 5; Puttkammer, 1994, taf. 15: 12; Hecker, 1995; Schmidt, 1995; Case, 2001, fig. 4: 19; Batora et al., 2003, abb. 4: 3, 6; Zimmerman, 2007, abb. 59: 1; Großmann, 2016, abb. 8.34). Пряжка из Алгашей, видимо, имеет три отверстия, два из которых предназначены для крепления глухого конца пояса (рис. 5: 12). Изделие также с двумя отверстиями, через которые крепился наглухо ремень только с несколько другой системой их расположения, известно в комплексе ККК Богемии (рис. 5: 24) (Hecker, 1995).

Констатация миграции социумов из карпато-дунайского региона и Центральной Европы в Восточную, в частности в Среднее Поволжье, должно иметь и хронологическое обоснование. Во-первых, необходимо показать, что существование ККК и раннебронзовых культур Vz A стыкуется по времени со СВАК, а во-вторых, что их хронологическое соотношение однозначно указывает на вектор миграции. Действительно, почти невозможно, но чисто теоретически можно предположить, что направленность передвижения населения могла быть обратной, например, со Средней Волги в Центральную Европу.

Анализ имеющихся данных по относительной и радиоуглеродной хронологиям культур рассматриваемых регионов не оставляет сомнения в отношении определения исходного ареала широтной миграции в конце III тыс. до н. э. в европейской части Старого Света. На шкале относительной хронологии СВАК занимает нишу финала средней бронзы, что соответствует фазам ПКБ I и II восточноевропейской хронологии в пределах 2200–2000 CalBC (Мимоход, 2021, илл. 13; Мимоход и др., 2022, с. 21). Диапазон существования ККК значительно шире. По центрально-европейской хронологии она датируется эпохой энеолита. Ранний бронзовый век здесь начинается с 2200–2150 CalBC (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Heyd, 2007, fig. 5; Stockhammer et al., 2015, p. 1, 18, fig. 7). Нижняя граница ККК в разных регионах устанавливается по-разному. В Центральной Европе и карпато-дунайском регионе она определяется в пределах 2500–2400 CalBC (Neubert, 1994, abb. 1; Gross-Klee, 1999, abb. 17; Müller, Willigen, 2001, fig. 13; Heyd, 2007, p. 334; Maran, 2007, tabl. V; Демченко, 2009, с. 11; Budziszewski, Włodarczak, 2010, рис. 39; Strahm, 2014, abb. 4; Großmann, 2016, abb. 5.28, 5.29), иногда с удрвнением до 2600 CalBC (Kienlin, 2008,

fig. 14; Müller et al., 2015, p. 57, fig. 6.5; Heyd, 2016, p. 81). Верхняя граница определяется возникновением локальных культур раннего бронзового века – 2200–2150 CalBC (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Heyd, 2007, fig. 5; Stockhammer et al., 2015, p. 1, fig. 7). Однако целый ряд данных свидетельствует, что время существования позднейших центрально-европейских и карпато-дунайских памятников ККК приходится и на период Vz A1, т. е. финальные древности этой культуры датируются позже 2200 CalBC. Они заходят в ранний бронзовый век на 100–150 лет и частично синхронны культурам раннего бронзового века (Gross-Klee, 1999, abb. 17; Müller, Willigen, 2001, fig. 13; Vander Linden, 2006, p. 13; Czebreszuk, Szmyt, 2012, fig. 12; Strahm, 2014, abb. 4; Müller et al., 2015, p. 63, fig. 6.5; Stockhammer et al., 2015, p. 2; Großmann, 2016, abb. 5.28, 5.29; Grigoryev, 2019, tabl. 1; Nahrendorf, 2018, tab. 8; Strahm_2019, fig. 9.1). Иными словами, финальная фаза ККК Центральной Европы синхронна большей части диапазона СВАК.

Хорошо это подтверждает и сопоставление данных ¹⁴C этих культур. Мною учтено 19 дат СВАК и 148 датировок ККК. Подавляющее большинство в обеих сериях составляют AMS-даты, что существенно повышает точность выборок. Сравнение результатов суммирования обеих культур показывает, что в целом ККК в Центральной Европе древнее СВАК (рис. 7). Диапазон последней располагается в пределах 2140–1870 CalBC, в то время как интервал существования носителей колоколовидных традиций укладывается в 2600–2050 CalBC (рис. 7). Такое хронологическое соотношение не вызывает сомнений в отношении исходного ареала миграции, который находился в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе, и ее направленности. Следует обратить внимание на то, что ККК и СВАК не только стыкуются во времени, но имеют отрезок синхронного существования в пределах 2140–2050 CalBC (рис. 7), что хорошо укладывается в обсуждаемый сценарий европейской миграции в Среднее Поволжье.

Как было показано, помимо социумов ККК в нее были вовлечены и группы раннебронзовых культур, в частности унетицкой, нитрянской, Муреш. Для хронологического обоснования этого утверждения достаточно сравнить серии ¹⁴C данных СВАК и культур унетицкого круга (унетицкая, Адлерберг, Зинген, Страубинг, Унтервоблинг), которые сейчас для периода Vz A обладают наибольшим количеством данных. Учтено 150 дат.

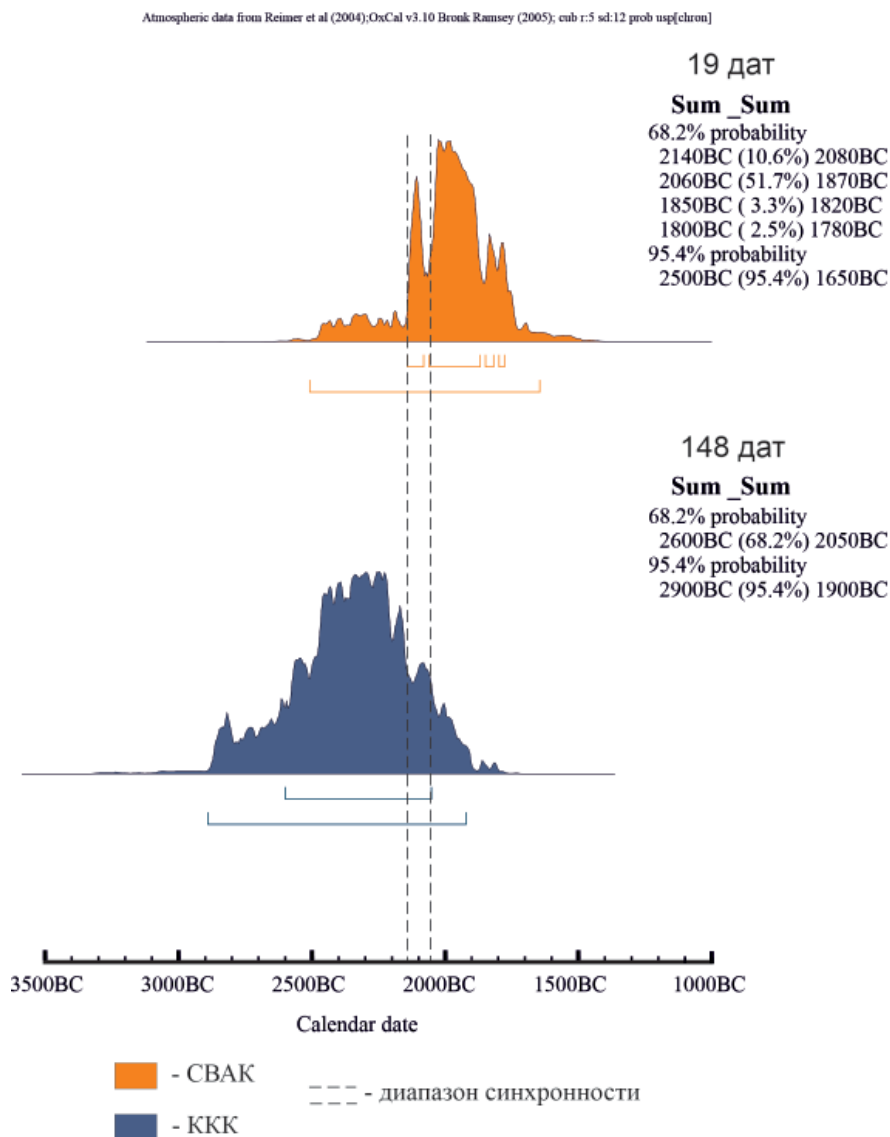

Рис. 7. Результаты суммирования ^{14}C данных СВАК и ККК Центральной Европы.
Fig. 7. Results of ^{14}C data summation of SVAK and KKK of Central Europe.

Сравнение результатов суммирования дат СВАК и культурных групп унетического круга показывает, что эти два феномена являются полностью синхронными (рис. 8), а потому нет никаких противоречий хронологического порядка для констатации участия носителей культур периода Bz A1 в культурогенезе средневожского Абашева. Необходимо также обратить внимание, что протоунетический, или переходный период от энеолита к раннему бронзовому веку, когда стали закладываться основные стандарты локальных культур последующей эпохи в Центральной Европе, датируется предшествующим этапом по сравнению со СВАК (Peřka, 2005, obr. 19; Enr e, 2012, s. 481, 482), так называемым периодом «Reineske A0» (Heyd, 2007, p. 334), который следует датировать 2300–2200 CalBC.

При всех изложенных аргументах, учитывающих целый комплекс сходства взаи-

мосвязанных структурных компонентов обрядово-инвентарного комплекса центральноевропейских и карпато-дунайских культурных образований со СВАК, остается еще одна тема, которая требует отдельного комментария. Действительно, ареал средневожского Абашева достаточно удален от основного ареала ККК. От восточных рубежей последней на территории Польши, Словакии и Венгрии до ареала СВАК будет насчитываться порядка 2 500 км. Расстояние большое, но и дальнедистанционные миграции в первобытные и исторические эпохи не новость. Однако в случае со СВАК и ККК этот вопрос приобретает особую актуальность. Действительно, средневожское Абашево имеет очень ограниченную территорию (рис. 1). Пожалуй, сложно найти еще одну культуру бронзового века в Восточной Европе с таким в определенном смысле мизерным ареалом. Предше-

ствующая фатьяновская культура, которую некоторые исследователи рассматривают в качестве основного генетического субстрата СВАК, имела большую территорию от верховой Волги и Поочья до Камы и Самарского Заволжья, и непонятным остается, почему только в крайне ограниченном регионе Среднего Поволжья на основе фатьяновских древностей возникла такая самобытная и яркая абашевская культура. Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, кроется в ККК. Дело в том, что эта культура, которая охватывает расстояние от Марокко и Португалии до Польши, не имеет единой территории. Одна из главных составляющих феномена ККК – это дискретность ее ареала, т. е. общей территории с границами по периметру, как это обычно бывает, культура не имеет (рис. 1). Она представлена отдельными локусами, иногда значительными, а порою и меньшими, чем территория СВАК (Harrison, 1980, p. 11 12, 42, 43, fig. 1, 28; Czebreszuk, 2003, fig. 1; Makarowicz, 2003, fig. 12; Демченко, 2009, с. 15, рис. 5; Heyd, 2001, fig. 1; 2007, fig. 2; Kopasz et al., 2009, map. 1; Gibson, 2019, fig. 0.1). Эта разреженность имманентно присуща ККК и связана с повышенной мобильностью ее носителей, которая была обусловлена хозяйственной моделью – отгонным скотоводством, в котором важную роль играл мелкий рогатый скот (Heyd, 2007, p. 340, 341, 368). В этой связи появление абашевской культуры на Средней Волге, генетически связанной с колоколовидной традицией, уже не выглядит чем-то необычным. Этот процесс органически вписывается в систему расселения социумов ККК. К тому же расстояние от ареала средневожского Абашева до восточных локусов носителей колоколовидных традиций на четверть короче, чем от них до португальских и марокканских памятников (рис. 1). Кроме этого, на территории между ККК Польши, Словакии, Венгрии и СВАК известны отдельные памятники последней (рис. 1) (Евтюхова, 1961; Артеменко, Пронин, 1976; Крайнов, Уткин, 1991; Луньков, Энговатова, 2003; Кренке, 2014), часть из которых, с одной стороны, могла маркировать маршрут продвижения мигрантов на Среднюю Волгу, а с другой – свидетельствовать в пользу того, что, возможно, в силу недостаточной изученности этого ареала, пока еще не все абашевские культурные локусы выявлены.

В этом отношении принципиальное значение имеет хорошо известный факт, установленный в отношении круга абашевских

культур, который помимо СВАК включает производные от нее южноуральскую и доновожскую абашевские культуры, занимавшие эпонимные регионы. Система локализации памятников этих культурных образований мало чем отличается от модели расселения носителей ККК. О.В. Кузьмина еще 30 лет назад четко обозначила этот феномен: «памятники абашевской культуры (имеется в виду абашевских культур – Р.М.) так и не заняли единой территории, а продолжают располагаться изолированными друг от друга группами, что нельзя объяснить неизученностью промежуточных территорий» (Кузьмина, 1992, с. 3). Эту специфическую особенность для абашевского мира недавно она подчеркнула еще раз: «Особенностью абашевской культуры, вытекающей из ее истории, является не сплошное заселение какой-то территории, а расположение памятников группами. Эти группы находятся на значительном удалении друг от друга» (Кузьмина, 2021, с. 444).

«Вытекающей из ее истории» – как это верно в контексте обсуждаемой миграции и генетической связи СВАК и ККК. Иными словами, абашевские культуры (средневожская, южноуральская и доновожская) не имеют единого ареала с общими границами по периметру, демонстрируя те же характерные особенности, что и система локусов носителей колоколовидных традиций в Европе и Северной Африке. Следует обратить пристальное внимание на то, что охарактеризованный феномен дискретной локализации абашевских культур в Восточной Европе в бронзовом веке больше не имеет аналогов. Все общности/культурные блоки/культурные круги (ямная, катакомбная, срубная, фатьяновско-балановская, посткатакомбная и т. д.) в указанную эпоху имеют общую территорию и замкнутые границы по периметру. Ареалы их составляющих последовательно стыкуются друг с другом, изолированные и не имеющие общих границ локусы здесь отсутствуют. На этом фоне особенности распространения культур абашевского мира выглядят явно нехарактерными для восточноевропейского бронзового века, зато хорошо соответствуют дискретной территориальной системе ККК (рис. 1).

Миграция из центральноевропейского и карпато-дунайского регионов в Восточную Европу, которая стимулировала возникновение не только СВАК, но и культурного круга Бабино, приходится на период 2200 CalBC, получивший широкую известность как «4.2 ka

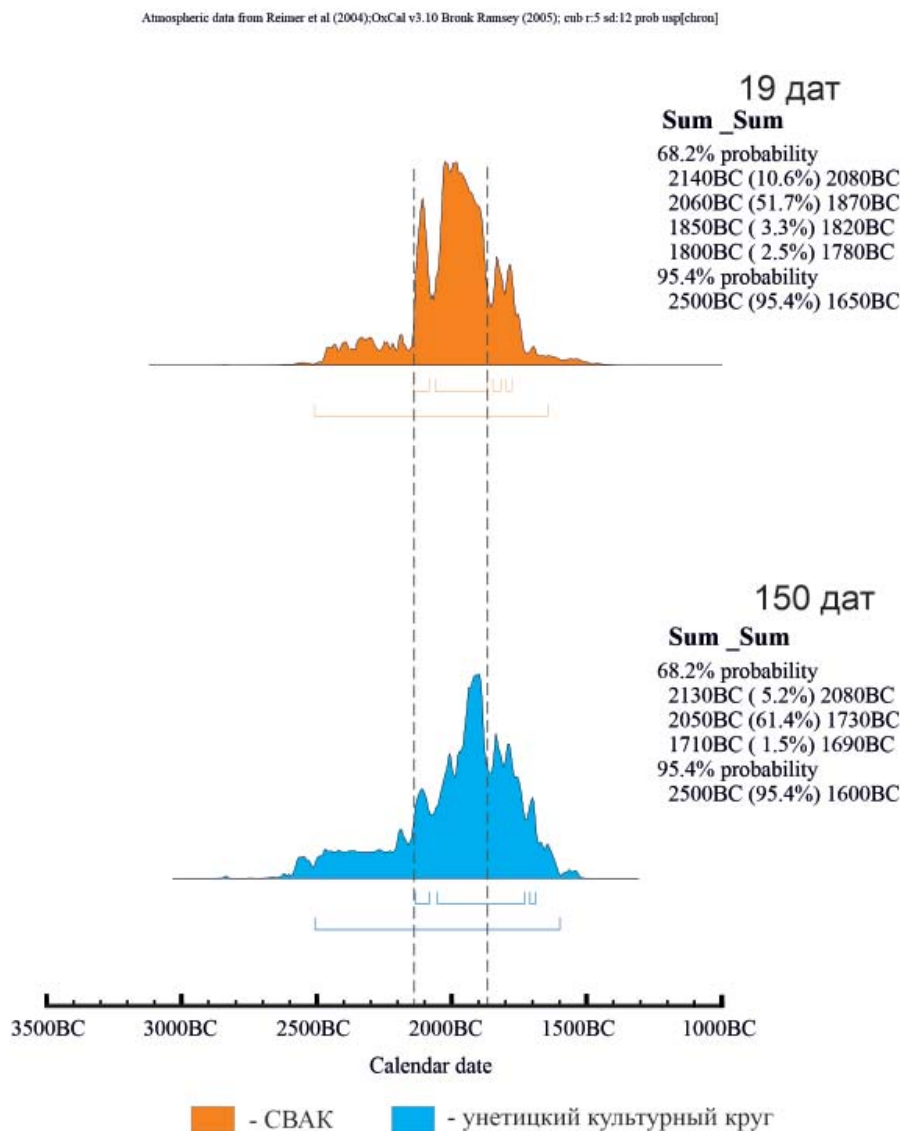

Рис. 8. Результаты суммирования ^{14}C данных СВАК и культурных групп унетичского круга.
Fig. 8. Results of ^{14}C data summation of SVAK and cultural groups of the Unetitsky circle.

BP climatic event» (Weiss, 2016). В это же время перемещение населения с Северо-Восточного Кавказа привело к формированию культурного круга Лола (Мимоход, 2013; 2016; 2018; Мимоход и др., 2022). Все эти события были обусловлены резкой аридизацией климата, которая была одним из проявлений глобального евразийского экологического катаклизма. Он хорошо фиксируется по данным Ближнего Востока, где, в частности, наступает коллапс Аккадской цивилизации, в Европе приходит в упадок общность культур колоколовидных кубков и формируются новые локальные культуры. В это же время фиксируется упадок государственных и поселенческих структур в Египте, Греции и на Кикладах. Последствия этого палеокриза прослежены фактически во всех основных регионах Старого Света

(Weiss et al., 1993, p. 135–137; 99–1002; Third Millennium BC..., 1997; Wossink, 2009, p. 21, tabl. 2.3; Weiss, 2012; Мельник, 2015, с. 64, 65; 2200 BC..., 2015). Восточная Европа – не исключение, и этот макрорегион представляет собой одну из составляющих частей общей мозаики глобального экологического катаклизма «4.2ka BP climatic event». Для этой территории он особенно хорошо проиллюстрирован для степной и пустынно-степной зон (Александровский, 1997; Демкин, 1997).

Гипотеза кавказской миграции в степь, по данным палеоклимата, которая привела к формированию культурного круга Лола, уже предложена (Борисов, Мимоход, 2017; Мимоход, 2018). Поставлен вопрос и о причинах, повлекших масштабные передвижения социумов из Центральной Европы и карпато-дунай-

ского региона на восток, которые обусловили генезис культурного круга Бабино и СВАК (Мимоход и др., 2022). И в том и в другом случаях основной причиной глобальных культурных трансформаций в условиях катастрофической аридизации были в первую очередь особенности зимнего периода года, которые кардинально повлияли на скотоводческие модели хозяйствования в районах горных массивов Центральной Европы, сопредельных с ней территорий и Северного Кавказа. Именно эти факторы оказались локомотивными как в отношении направленности миграций, так и их результатов.

Таким образом, формирование СВАК было обусловлено миграцией центрально-европейских групп ККК и локальных культур периода Vz A1 карпато-дунайского региона в Восточную Европу. Она, скорее всего, проходила по южной части лесной зоны и в пограничье с лесостепью (рис. 1). При этом не стоит недооценивать местный компонент в сложении культуры, связанный с фатьяновско-балановскими древностями. Генезис ККК в Европе также был связан с местной основой (Neud, 2007a, p. 92–95; Демченко, 2009, с. 11). Однако подстилающий субстрат в Среднем Поволжье был второстепенным в сложении СВАК, прямой генетической преемственности здесь не было. Основным катализатором глобальной культурной трансформации в регионе стал европейский миграционный импульс.

О.В. Кузьмина, не соглашаясь с этим, отмечает: «Сама абашевская культура не может рассматриваться как еще один импульс из Центральной Европы. Этому препятствует ее вторая составляющая – местный, восточноевропейский компонент» (Кузьмина, 2021, с. 467). Непонятно, почему наличие местной составляющей в генезисе СВАК противоречит наличию европейского импульса. Наоборот, это как раз стандартная ситуация, когда появление мигрантов в регионе приводит к кардинальной трансформации культурной ситуации, которая обусловлена взаимодействием пришлого и местного населения. В случае со СВАК европейские группы оказались «законодателями мод» в обрядово-инвентарном комплексе, что не исключает участие в сложении этой культуры местного фатьяновско-балановского населения, о чем неоднократно писала О.В. Кузьмина.

Ситуация здесь в точности соответствует еще одной крупной миграции периода 2200 CalBC. Речь идет о перемещении скотовод-

ческих групп с Северо-Восточного Кавказа в условиях резкой аридизации в предкавказскую степь, что привело к формированию культурного круга Лола. Это также явилось результатом взаимодействия пришлого и местного населения. Краткость существования феномена средневожского Абашева объясняется тем, что привнесенные стандарты долго не могут сохраняться и подвергаются местной ассимиляции. Так, и для культурного круга Бабино, и для культурного круга Лола стандарты обрядово-инвентарного комплекса, которые привнесли мигранты (в первом случае европейские, во втором – кавказские), четко фиксируются только на фазе ПКБ I и уже фактически полностью размываются на фазе ПКБ II. Миграции носителей гинчинских и присулакских традиций с Северо-Восточного Кавказа в степь не привели к прекращению существования этих культур. Их поздние фазы синхронны ранней и развитой Лоле. Точно также перемещение отдельных групп ККК, скорее всего, тоже скотоводческих, и носителей культур ранней бронзы Центральной Европы и карпато-дунайского региона в Восточную Европу не привели к прекращению их существования в исходном ареале. Финальный период ККК и культуры периода Vz A1 синхронны фазе ПКБ I и ранней СВАК. Иными словами, в миграционные процессы было вовлечено не все население регионов, а отдельные скотоводческие группы, по которым сильнее всего ударил палеоэкологический кризис.

О том, что средневожское Абашево является продуктом взаимодействия пришлого и местного населения, где первый компонент фиксируется значительно четче, чем второй, свидетельствует еще одно очень важное наблюдение. В свете всего вышесказанного, я бы не задумываясь назвал СВАК средневожским вариантом ККК, если бы не одно серьезное обстоятельство. СВАК не имеет двух важнейших манифестов, которые являются визитной карточкой памятников колоколовидных кубков. В средневожском абашевском погребальном обряде отсутствует выраженная гендерная дихотомия, представленная в ККК, когда мужчин укладывали головой на север на левом боку, а женщин – на правом, черепом на юг (Wiermann, 1998, p. 131, fig. 5; Müller, 2001; Turek, Černý, 2001; Turek, 2006a, p. 63; Mikołajczak, Szczodrowski, 2012, p. 183; Makarowicz, 2015, p. 17–21; Massy et al., 2017, p. 242).

Отсутствует в СВАК и второй манифест, который присущ не только ККК, но и ранне-бронзовым европейским культурам. Речь идет о защите запястья лучника – каменных брусках с перетяжками или отверстиями (см. обзор: Мимоход и др., 2021). Отсутствие в СВАК этих культуурообразующих для ККК элементов не позволяет рассматривать средневожские абашевские древности в контексте европейских культур колоколовидной традиции, однако отрицать генетическую связь обоих культурных феноменов теперь представляется мало перспективным. Интересно другое. Как по-разному центрально-европейский и карпато-дунайский миграционный след проявляется в восточноевропейских культурах. Так, днепро-донская бабинская культура имеет выраженный местный посткатакомбный облик. Европейские черты в ней представлены не так ярко, как в Среднем Поволжье, но тем не менее в памятниках раннего Бабино присутствуют и гендерная дихотомия в обряде, и бруски для защиты запястья лучника. СВАК имеет все признаки классической европейской культуры в обряде и инвентаре, но этих двух манифестов колоколовидной традиции в ней нет. По всей видимости, эта отчасти парадоксальная ситуация объясняется тем, какие именно европейские

группы принимали участие в культурогенезе населения Днепро-Донского междуречья и Среднего Поволжья и насколько местное население оказывалось восприимчивым к тем или иным новациям.

В заключение следует отметить, что европейский миграционный импульс, который привел к формированию культурного круга Бабино и средневожского Абашева, для Восточной Европы был вторым. Первый отчетливо прослеживается по материалам фатьяновской и балановской культур, которые, по сути, являются восточной периферией европейского шнуrowого мира, на что в литературе не раз обращалось внимание. Продвижение мигрантов в период 2200 CalBC так далеко на восток, в Среднее Поволжье, имеет простое объяснение. Дело в том, что миграция проходила по южной части лесной зоны и в пограничье с лесостепью по территории родственной культурной «шнуrowой», а, скорее всего, и языковой среды, которая была сформирована первым миграционным импульсом из Европы. В этом отношении показательным является то, что продвижение европейского населения второй волны на восток закончилось как раз на Средней Волге, т. е. там, где и заканчивалось родственное культурное пространство.

Примечания:

¹ В этой статье приведены данные о неопубликованной работе О.А. Кривцовой-Граковой

² О.В. Кузьмина назвала ее радикальной (Кузьмина, 2021, с. 467; Kuzmina, 2021, с. 1226).

³ А.Д. Прякин (1977, с. 124) охарактеризовал эту ситуацию как «условный характер отдельных абашевских «курганых» насыпей».

⁴ Правда, Я. Турек полагает, что малочисленность курганов ККК объясняется систематической распашкой сельхоз угодий и эрозийными процессами (Turek, 2006, p. 170, 172).

⁵ Особняком стоит мнение А.П. Смирнова, которое необходимо процитировать. Он писал, что «наиболее распространенный обряд погребения покойника на спине, с подогнутыми ногами (СВАК – Р.М.), идет несомненно от фатьяновской культуры» (Смирнов, 1961, с. 21). На чем основывается этот вывод непонятно. Никаких ссылок на соответствующие погребения фатьяновской культуры, в которых был бы представлен скорченный на спине обряд в статье нет. Единственная аналогия, которую привел автор – это п. 2 мог. Баланово (Там же). Этого явно недостаточно для столь категоричных утверждений, особенно с учетом того, что в этом балановском погребении скелет лежит явно с нарушением анатомического порядка, а О.Н. Бадер, которого, кстати, цитирует А.П. Смирнов (Там же), указывал, что «костяк, по-видимому, завалился на спину» (Бадер, 1940, с. 74, рис. 16), тем самым, подчеркивая вторичность археологически зафиксированного положения костяка по сравнению с первоначальным. При этом А.П. Смирнов не обратил внимание на то, что в соседних могилах (п. 1 и 3) скелеты, сохранившие анатомический порядок, находились в позиции «скорчено на боку» (Там же, рис. 15, 17), что как раз и характерно для фатьяновско-балановских погребальных традиций.

⁶ В этот регион включены памятники ККК Германии, Швейцарии, Австрии, Чехии, Польши, Словакии и Венгрии.

⁷ Он встречается и в европейской литературе (Turek, 1998, p. 109).

⁸ Региональные различия в керамике есть и в самой ККК (напр., Neud, 2007, p. 328).

⁹ В погребении из мог. Алгаши палантин был явно положен на лицо умершей (рис. 6: 12).

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С.* Курганный могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии (раскопки 1947 и 1948 гг.) // Ученые записки ЧувНИИ. Вып. IV Чебоксары, 1950. С. 154–179.
- Александровский А.Л.* Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Степь и Кавказ / Труды ГИМ. Вып. 97 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 1997. С. 22–29.
- Артеменко И.И., Пронін Г.М.* Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія. 1976. № 20. С. 66–76.
- Ахметов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В.* Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 162–181.
- Бадер О.Н.* Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии // СА. 1940. Т. VI. С. 63–88.
- Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Бадер О.Н.* Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА. 1971. № 1. С. 55–72.
- Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 184 с.
- Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 232 с.
- Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 232 с.
- Борисов А.В., Мимоход Р.А.* Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. 2017. № 2. С. 48–60.
- Горбунов В.С.* Классификация абашевских памятников Башкирии // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 18–34.
- Горбунов В.С.* Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: БГПИ, 1986. 96 с.
- Григорьев С.А.* Проблемы соотношения европейской, евразийской и китайской хронологии бронзового века // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 1. С. 63–81.
- Григорьев С.А.* Миграционные процессы на Южном Урале при переходе к позднему бронзовому веку // Уральский исторический вестник. 2020а. № 4 (69). С. 24–31.
- Демкин В.А.* Палеопочвоведение и археология. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
- Демченко Т.* Памятники типа Коржеуць в контексте истории Центральной и Восточной Европы раннего бронзового века // *Turagetia. Arheologie, Istorie, Antică*. 2009. Vol. III [XVIII]. С. 9–30.
- Евтюхова О.Н.* К истории изучения абашевской культуры // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–14.
- Евтюхова О.Н.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 27–42.
- Евтюхова О.Н.* Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье // Памятники каменного и бронзового веков Евразии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1964. С. 110–120.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 57–110.
- Калинин Н.Ф.* Экспедиция по западным районам Татарской АССР / КСИИМК. Вып. XLIV. Л.: Изд-во АН СССР. 1952. С. 52–66.
- Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е.* Роль климатического фактора в происхождении синташтинской культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 39–49.
- Крайнов Д.А., Уткин А.В.* Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 147–159.
- Кренке Н.А.* Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Эногватова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.
- Кривцова-Гракова О.А.* Абашевский могильник (раскопки 1945 года) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 92–97.
- Кузьмина О.В.* Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГПУ, 1999. С. 154–204.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий.. Самара: СНЦ РАН., 2000 С. 85–121.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Европейский Дом, 2000а. С. 65–134.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 153–160.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова Книга I. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 178–181.

Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002а. С. 157–174.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧИГИ, 2003. С. 92–97.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Заволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 56–63.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 442–468.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.

Литвиненко Р.А. Погребения культурного круга Бабино в деревянных гробах-колодах как проявление общеевропейской традиции бронзового века // Slovenská archeológia. 2020. Sup. 1. С. 361–372.

Литвиненко Р.О. Праісторичні міграції, війни, і палеоклімат (за даними бронзового віку Східної Європи) // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових працівників і здобувачів наукового ступеня за підсумками науково-дослідної роботи за період 2019–2020 рр. (квітень–травень 2021 р.) / Гол. ред. Р.Ф. Гринюк. Вінниця: ДНУ, 2021. С. 13–14.

Луньков В.Ю., Энговатова А.В. Курганный могильник Орлово 1 (абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧИГИ, 2003. С. 193–197.

Медникова М.Б. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 378–389.

Медникова М.Б. Летальные травмы головы в эпоху бронзы (новые методы изучения) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 327–338.

Медникова М.Б., Тарасова А.А., Четчикова О.Ю., Евтеев А.А. Представители средневолжской абашевской культуры в контексте изменчивости лицевого скелета у населения ранней и средней бронзы по данным геометрической морфометрии // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 309–324.

Мельник В.И. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н.э. // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 61–71.

Мерперт Н.Я. Раскопки абашевских курганов в Чувашии // Вопросы археологии и истории Чувашии / Ученые записки ЧувНИИ. Вып. XIX / Ред. М.Я. Сироткина, В.Д. Дмитриев. Чебоксары. Чув. гос. изд-во, 1960. С. 14–37.

Мерперт Н.Я. Абашевские курганы северной Чувашии // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 111–156.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный: Чечен. гос. ун-т, 2016. С. 45–47.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.

Мимоход Р.А. Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2021. С. 69–91.

Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., Вербовский А.В. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света // Археологические вести. Вып. 32. / Отв.ред. М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 386–401.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1977. 167 с.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Т. XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. 82 с.

Смирнов А.П. К вопросу о формировании абашевской культуры // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 15–26.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Ткачев В.В. Генезис алакульской культуры в контексте горной археологии // Известия Самарского научного центра. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 517–526.

Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье // СА. 1959. № 2. С. 148–168.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 157–241.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимов М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) / Труды МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966. 69 с.

Энговатова А.В., Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю., Медникова М.В. Новые данные естественнонаучных исследований материалов Старшего Никитинского могильника и его место в хронологии средне-волжской абашевской культуры // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 3. С. 148–152.

2200 BC – 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?) / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Bd. 12 (1) / H. Meller et al. Halle, 2015. 845 S.

Bálek M., Dvořák P., Kovárník J., Matějíčková A. Pohřebiště kultury zvoncovitých pohárů v tvořihrázi (okr. Znojmo) // Pravěk. Brno, 1999. Sup. 4. 98 S.

Bátora J., Marková K., Vladár J. Die Glockenbtecherkultur in Kontext der kulturhistorischen Entwicklung in der Süwestslowakei // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Ed. by J. Czebreczuk, M. Szmyt. Oxford: The Basingstoke Press, 2003. S. 255–264.

Budziszewski J., Włodorzak P. Kultura pucharów dzwonowatych na Wyżynie Małopolskiej. Kraków: Wydawnictwo Instytutu archeologii i etnologii Polskiej Akademii nauk, 2010. 251 S.

Case H. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe / Ed. by F. Nicolis. Trento, 2001. Vol. 1. P. 361–377.

Kopasz J., Přichystal A., Šebela L. Lithic chipped industry of the Bell Beaker Culture in Moravia and its East-Central European Context. Kraków-Brno, 2009. 365 s.

Czebreczuk J. Bell Beaker in the Sequence of the Cultural Changes in South-western Baltic Area // The Northeast Frontier of Bell Beakers / Ed. by J. Czebreczuk, M. Szmyt. Oxford: The Basingstoke Press, 2003. P. 21–38.

Czebreczuk J., Szmyt M. Bell Beaker and cultural milieu of north European plan // Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex / Ed. by H. Fokkens, F. Nicolis. Leiden: Sidestone Press, 2012. P. 157–175.

Dvorak P., Matejickova A., Sebel L. The «Beaker Days» in Bohemia and Moravia. 2004. Available at: <https://www.academia.edu/6997568/> (accessed 28.01.2022)

Enrée M. Die räumliche Entwicklung des Gräberfeldes der Aunjetitzer Kultur in Prag-Miškovice – Kontinuität oder Diskontinuität // Gräberlandschaften der Bronzezeit. Internationales Kolloquium zur Bronzezeit.

Bodenaltertümer Westfalens, Herne, 15.–18. Oktober 2008 / Ed. by D. Berenger et al. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2012. 51. S. 477–485.

Gerloff S. Reinecke's ABC and the Chronology of the British Bronze Age // Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honor of Colin Burgess / Ed. by Ch. Burgess. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 117–185.

Gibson A.M. Introduction // Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective / Ed. By A.M. Gibson. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2019. P. XX–XII.

Girić M. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie. Beograd, 1971. T. XI. P. 29–237.

Grigoriev S. Central European impulses in Eastern Europe in the Early Second Millennium BC // Slovenšká archeológia. 2019. T. LXVII-2. S. 225–239.

Großmann R. Das Dialektische Verhältnis von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2016. Bd. 287. 280 s.

Gross-Klee E. Glockenbecher: ihre Chronologie und ihr zeitliches Verhältnis zur Schnurkeramik aufgrund von C14-Daten // Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte. Basel: Reinhardt Druck, 1999. S. 55–64.

Harrison R.J. The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe. London: Thames and Hudson, 1980. 176 p.

Hecker W. Böhmisches Gruppe: Böhmen // Freiburger Archäologische Studien. Glockenbecher-Phänomen. Freiburg, 1995. № 2. S. 41–66.

Heyd V. On the earliest Bell Beakers along the Danube // Bell Beaker today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe / Ed. by F. Nicolis. Trento, 2001. P. 387–409.

Heyd V. Families, Prestige Good, Warriors & Complex Societies: Beaker Groups of the 3rd Millennium cal BC Along the Upper & Middle Danube // Proceedings of the Prehistoric Society. 2007. Vol. 73. P. 327–379.

Heyd V. When the West meets the East: the eastern periphery of the Bell Beaker phenomenon and its relation with the Aegean early Bronze Age // Between the Aegean and Baltic Seas: prehistory across borders / Ed. by I. Galanaki et al. Liège: KLIEMO SA B-4700 Eupen, 2007a. P. 91–104.

Heyd V. Das Zeitalter der Ideologien: Migration, Interaktion und Expansion im Prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. // Transitional Landscapes? The 3rd Millennium BC in Europe // Ed. by M. Furholt et al. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2016. S. 54–85.

Heyd V. Beaker in Southern Russia – Thing? 2021. Available at: <https://bellbeakerblogger.blogspot.com/> (accessed 28.01.2022)

Kienlin T.L. Tradition and Innovation in Copper Age Metallurgy: Results of a Metallographic Examination of Flat Axes from Eastern Central Europe and the Carpathian Basin // Proceedings of the Prehistoric Society. 2008. Vol. 74. P. 79–107.

Kuzmina O.V. The Abashevo Culture // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1206–1229.

Liversage D. Bell Beaker Pottery in Denmark – Its Typology and Internal Chronology // The Northeast Frontier of Bell Beakers / Ed. by J. Czebreczuk, M. Szmyt. Oxford: The Basingstoke Press. P. 39–49.

Makarowicz P. Northern and Southern Bell Beaker in Poland // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Ed. by J. Czebreczuk, M. Szmyt. Oxford: The Basingstoke Press, 2003. S. 137–154.

Maran J. Seaborne contacts between the Aegean, the Balkans and the Central Mediterranean in the 3rd millennium BC: The Unfolding of the Mediterranean World // Between the Aegean and Baltic Seas. Prehistory across Borders / Ed. by Galanaki et. al. Liège: KLIEMO SA B-4700Eupen, 2007. P. 3–26.

Massy K., Knipper C., Mitnik A., Kraus S., Pernicka E., Wittenborn F., Krause J., Stockhammer Ph. W. Patterns of Transformation from the Final Neolithic to the Early Bronze Age: A Case Study from the Lech Valley South Augsburg // Appropriating Innovations. Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE / Ed. by Ph. W. Stockhammer, J. Maran. Oxford-Philadelphia: Oxbow Books, 2017. P. 241–261.

Matuschik I. Brillen- und Hakenspiralen der frühen Metallzeit Europas // Germania. 1996. Jahr. 74. Hb. 1. S. 1–43.

Mikołajczak K., Szczodrows R. The Bell Beaker phenomenon. Meanings of regional transmission // Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex / Ed. by H. Fokkens, F. Nicolis. Leiden: Sidestone Press, 2012. P. 177–189.

Müller A. Gender Differentiation in burial rites and grave-goods in the Eastern or Bohemian-Moravian Group of the Bell Beaker Culture // *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe* / Ed. by F. Nicolis. Trento, 2001. Vol. 1. P. 589–599.

Müller J., Hinz M., Ulrich M. Bell Beakers – Chronology, Innovation and Memory: A Multivariate Approach // *The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3rd millennium BC* / Ed. by M.P.P. Martinez, L. Salanova. Oxford-Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 57–68.

Müller J., New radiocarbon evidence for European Bell Beakers and the consequences for the diffusion of the Bell Beakers Phenomenon // *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe* / Ed. by F. Nicolis. Trento, 2001. Vol. 1. P. 59–80.

Nahrendorf U. Westfalen in Endneolithikum und Früher Bronzezeit. Untersuchungen zur Besiedlungsgeschichte der Nordwestdeutschen Landschaft zwischen Niederrhein und Mittelweser // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018. Bd. 309. 383 s.

Neubert A. Schnurreramik (SK), Glockenbecherkultur (GBK), Aunjetitzer Kultur (AK). Zum Übergang vom Neolithikum zur Bronzezeit // *Das Neolithikum im Mittel-Elbe-Saale-Gebiet und in der Altmark* / Her. Von H-J Beier, R. Einicke. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran, 1994. S. 291–310.

Neugabauer C., Neugabauer J.-W. Frazhausen. Das frühbronzezeit Gräberfeld I. Horn: Verlag Ferdinand Berger & Söhne Ges. m. b. H., 1997. Teil II.

Ondráček J., Šebela L. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) // *Studie Muzea Kroměřížska*. Kroměříž, 1985. S. 2–130.

Peška J. Protoúnětické pohřebiště z Pavlova // *Pravěk*. Brno, 2005. S. 83–118.

Puttkammer T. Glockenbecherkultur // *Das Neolithikum im Mittel-Elbe-Saale-Gebiet und der Altmark*. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 4. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran, 1994. S. 269–289.

Sangmeister E. Die «Glockenbecherkultur» in Sw-Deutschland // *L'Age du Cuirve Européen. Civilisations à Campaniformes* / Sous la direction de J. Guilaine. Paris: GNRS, 1984. S. 81–106.

Schmid C.-D. Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz // *Freiburger Archäologische Studien*. Das Glockenbecher-Phänomen. Freiburg, 1995. № 2. S. 84–100.

Stockhammer P.W., Massy K., Knipper C., Friedrich R., Kromer B., Lindauer S., Rabosavljević J., Wittenborn F., Krause J. Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0139705&type=printable> (accessed 28.01.2022)

Strahm C. Das Glockenbecher-Phänomen aus der Sicht der Komplementär-Keramik // *Similar but Different. Bell Beakers in Europe* / Ed. by Czebreszuk. Lenden: Sidestone Press, 2014. P. 101–126.

Strahm C. Bell Beaker settlements in southern Germany // *Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective* / Ed. By A.M. Gibson. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2019. P. 165–175.

Third Millennium BC Climate Change and Old World Collaps / Ed. by H.N. Dalfes et al. Berlin-Heidelberg: Springer, 1997.

Turek J. The Bell Beaker period in North-West Bohemia // *Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise...?* / Ed. By M. Benz and S. van Willingen. Oxford: Biddles Ltd., 1998. P. 107–119.

Turek J. Beaker barrows and the houses of dead // *Archaeology of Burial Mounds* / Ed. by L. Šmejda. Plzeň: University of West Bohemia, 2006. P. 170–179.

Turek J. Bell Beaker Gendered Cups in Central Europe // *Prehistoric Pottery: Some Recent Research*. BAR International Series 1509 / Ed. by A. Gibson. Oxford: The Basingstoke Press, 2006a. P. 63–68.

Turek J., Černý V. Society, gender and sexual dimorphism of the Corded Ware and Bell Beaker population // *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Vol. 1. / Ed. by F. Nicolis. Trento, 2001. P. 601–613.

Vander Linden M. Le phénomène campaniforme dans l'Europe du 3ème millénaire avant notre ère. Synthèse et nouvelles perspectives // *BAR International Series 1470*. Oxford, 2006. 228 p.

Weiss H. Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // *Seven Generations Since the Fall of Akkad*. *Studia Chaburensia I*. Vol. 3. / Ed. H. Weiss. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 1–24.

Weiss H. Global megadrought, societal collapse and resilience at 4.2-3.9 ka BP across the Mediterranean and west Asia // *Past Global Changes*. 2016. V. 24 (2). P. 62 – 63.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // *Science*. 1993. Vol. 261. P. 995–1003.

Wiermann R. An anthropological approach to Burial customs of the Corded Ware Culture in Bohemia // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise...? / Ed. By M. Benz and S. van Willigen. Oxford: Biddles Ltd., 1998. P. 129–140.

Wossink A. Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press, 2009. 183 p.

Zimmerman T. Die ältesten kupferzeitlichen Bestattungen mit Dolchbeigabe / Monografien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2007. Bd. 71. 169 s.

Информация об авторе:

Мимоход Роман Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mimokhod@gmail.com

REFERENCES

Akimova, M. S. 1950. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. (Scientific notes of the Chuvash Research Institute)*. 4 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 154–179 (in Russian).

Aleksandrovskaya, A. L. 1997. In Shishlina, N. I. (ed.). *Step' i Kavkaz (Steppe and Caucasus)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 97. Moscow: The State Historical Museum, 22–29 (in Russian).

Artemenko, I. I., Pronin, G. M. 1976. In *Arkheologiya (Archaeology)* 20, 66–76 (in Ukrainian).

Akhmetov, I. P., Lun'kov, V. Yu., Lun'kov, Yu. V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230, 162–181 (in Russian).

Bader, O. N. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 63–88 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 59–81 (in Russian).

Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bader, O. N. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 55–72 (in Russian).

Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials of Funerary Sites)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VIII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

Bol'shov, S. V. 2006. *Lesnaia polosna Srednego Povolzh'ia v epokhu srednei bronzy (problemy kul'turogeneza pervoi poloviny II tys. do n.e.) (The Forest Area of the Middle Volga Region in the Middle Bronze Age: Issues of the Cultural Genesis in the 1st Half of the II Millennium BC)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Borisov, A. V., Mimokhod, R. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 48–60 (in Russian).

Gorbunov, V. S. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 18–34 (in Russian).

Gorbunov, V. S. 1986. *Abashevskaya kul'tura Iuzhnogo Priural'ia (Abashevo Culture of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute (in Russian).

Grigor'ev, S. A. 2020. In *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii (Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology)* 1, 63–81 (in Russian).

Grigor'ev, S. A. 2020a. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 4 (69). 24–31 (in Russian).

Demkin, V. A. 1997. *Paleopochvovedenie i arkheologiya (Paleopedology and Archaeology)*. Pushchino: Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Demchenko, T. 2009. In *Turagetia. Arheologie, Istorie, Antică*. 18 (3), 9–30 (in Russian).

Evtyukhova, O. N. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 5–14 (in Russian).

Evtyukhova, O. N. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 27–42 (in Russian).

Evtyukhova, O. N. 1964. In Bader, O. N. (ed.). *Pamiatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii (Monuments of the Stone and Bronze Ages of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 110–120 (in Russian).

Efimko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 57–110 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLIV. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 52–66 (in Russian).

Koryakova, L. N., Panteeva, S. E. 2021. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 72 (3). 39–49. (in Russian).

Krainov, D. A., Utkin, A. V. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR (Late Eneolithic and the Cultures of the Early Bronze Age in the Forest Area of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 147–159 (in Russian).

Krenke, N. A. 2014. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–35 (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O. A. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 92–97 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 1999. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 154–204 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2000. In Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E., Turetskii, M. A. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 85–121 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2000. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva iuga Vostochnoi Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii (Ancient Societies at the South of Eastern Europe in Palaeometallic Epoch (early complex societies and the problems of cultural transformation))*. Saint Petersburg: "Evropeisky dom" Publ., 65–134 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 153–160 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2002. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* I. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 178–181 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii. K 80-letiiu N.Ya. Merperta (Issues of Eurasian Archaeology. The 80th Anniversary of N.Ya. Merpert)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 157–174 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 92–97 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2010. In Kuznetsova, L. N. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Kraevedcheskie zapiski (40 years of the Middle Volga archaeological expedition. Local history notes)* (15), 56–63 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2021. In Chizhesky, A.A. (ed.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 442–468 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Mimokhod, R. A. 2016. In Alekshin, V. A. (ed.). *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.). (External and Internal Relations of the Steppe (Cattle-Breeding) Cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th-2nd Millennia BC))*. Saint Petersburg, 39–44 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2020. In *Slovenská archeológia* (1), 361–372 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2021 In Grinyuk, R. F. (chief- ed.). *Materiali naukovoï konferentsii profesors'ko-vykladats'kogo skladu, naukovikh pratsivnikov i zdobuvachiv naukovogo stupenia za pidsumkami naukovodoslidnoi roboti za period 2019–2020 rr. (kviten'–traven' 2021 r.) (Proceedings of a scientific conference of the faculty and academic staff, researchers and applicants for scientific degrees based on the results of research work for the period of 2019–2020 (April-May 2021))*. Vinnytsia: Donetsk National University named after Vasil' Stus, 13–14 (in Ukrainian).

Lun'kov, V. Yu., Engovatova, A. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie* (*The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage*). Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 193–197 (in Russian).

Mednikova, M. B. 2018. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 253, 378–389 (in Russian).

Mednikova, M. B. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 257, 327–338 (in Russian).

Mednikova, M. B., Tarasova, A. A., Chechetkina, O. Yu., Evteev, A. A. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 265, 309–324 (in Russian).

Mel'nik, V. I. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 239, 61–71 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1960. In Sirotkina, M. Ya., Dmitriev, V. D. (eds.). *Voprosy arkheologii i istorii Chuvashii* (*Issues of Archaeology and History of Chuvashia*). Series: Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (*Scientific Notes of the Chuvash Research Institute*) 19. Cheboksary: “Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo” Publ., 14–37 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (*Materials and Research in the USSR Archaeology*) 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 111–156 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaia kul'tura. Severo-zapadni Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka* (*Lolino Culture. Northwestern Caspian at the Turn of the Middle and Late Bronze Ages*). Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniia (Materials of Security Archaeological Studies) 16. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2016. In Mamaev, Kh. M. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo nasledii narodov Kavkaza. XXIX «Krupnovskie chteniia» po arkheologii Severnogo Kavkaza»* (*Study and preservation of archaeological heritage of the peoples of Caucasus. The XXIX-th Krupnov's reading. Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus*). Grozny: Chechen State University, 45–47 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (2), 33–48 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In Turetskii, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia* (*Issues of Archaeology of the Volga Region*) 9. Samara: “Slovo” Publ., 69–91 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Gak, E. I., Khomutova, T. E., Ryabogina, N. E., Borisov, A. V. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (1), 20–34 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Usachuk, A. N., Verbovskii, A. V. 2021. In Kashuba, M. T. (ed.). *Arkheologicheskie vesti* (*Archaeological News*) 32. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 386–401 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamyatniki* (*Abashevo Burial Monuments*). Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1954. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (21), 52–94 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala* (*Essays on the Ancient History of the Southern Urals*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1948. *Drevniaia istoriia chuvashskogo naroda* (*Ancient History of the Chuvash People*). Cheboksary: “Chuvashgozizdat” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (*Materials and Research in the USSR Archaeology*) 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 15–26 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia* (*Bronze Age of Mari Volga Area*). Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Tkachev, V. V. 2018. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk* (*Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences*). Vol. 20, no. 3 (2), 517–526 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (2), 148–168 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (*Materials and Research in the USSR Archaeology*) 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 157–241 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimov, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek)* (*Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human*). Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Engovatova, A. V., Lun'kova, Yu. V., Lun'kov, V. Yu., Mednikova, M. V. 2021. In *Samarskii nauchnyi vestnik* (*Samara Scientific Bulletin*) 10 (3), 148–152 (in Russian).

Meller, H. et al. (comp.) 2015. *2200 BC – 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?)* / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Bd. 12 (1). Halle.

Bálek M., Dvořák P., Kovárník J., Matějčková A. 1999. *Pohřebišť kultury zvoncovitých pohárů v tvoříhrázi (okr. Znojmo)* In *Pravěk*. Brno. Sup. 4. 98 S.

Bátora, J., Marková, K., Vladár, J. 2003. Die Glockenbecherkultur in Kontext der kultuhistorischen Entwicklung in der Süwestslowakei In Czebreczuk, J., Szmyt, M. (eds.). *The Northeast Frontier of Bell Beaker*. Oxford: The Basingstoke Press, 255–264.

Budziszewski, J., Włodorzak, P. 2010. *Kultura pucharów dzwonowatych na Wyżynie Małopolskiej*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu archeologii i etnologii Polskiej Akademii nauk.

Case, H. 2001. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology In Nicolis, F. (ed.). *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Vol. 1. Trento, 361–377.

Kopasz, J., Přichystal, A., Šebela, L. 2009. *Lithic chipped industry of the Bell Beaker Culture in Moravia and its East-Central European Context*. Kraków-Brno.

Czebreczuk, J. 2003 Bell Beaker in the Sequence of the Cultural Changes in South-western Baltic Area. In Czebreczuk, J., Szmyt, M. (eds.). *The Northeast Frontier of Bell Beaker*. Oxford: The Basingstoke Press, 21–38.

Czebreczuk, J., Szmyt, M. 2012. Bell Beaker and cultural milieu of north European plain In Fokkens, H., Nicolis, F. (eds.). *Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex*. Leiden: Sidestone Press, 157–175.

Dvorak, P., Matejickova, A., Sebela, L. 2004. *The «Beaker Days» in Bohemia and Moravia*. 2004. Available at: <https://www.academia.edu/6997568/> (accessed 28.01.2022)

Enrée, M. 2012. Die räumliche Entwicklung des Gräberfeldes der Aunjetitzer Kultur in Prag-Miškovice – Kontinuität oder Diskontinuität In Berenger, D. et al. (eds.). *Gräberlandschaften der Bronzezeit. Internationales Kolloquium zur Bronzezeit. Bodenaltertümer Westfalens, Herne, 15.–18. Oktober 2008*. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2012. 51. S. 477–485.

Gerloff, S. 2007. Reinecke's ABC and the Chronology of the British Bronze Age In Burgess, Ch. (ed.). *Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honor of Colin Burgess*. Oxford: Oxbow Books, 117–185.

Gibson, A. M. 2019. Introduction In Gibson, A.M. (ed.). *Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective* / Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2019. P. XX–XII.

Girić, M. 1971. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis In *Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie*. T. XI Beograd, 29–237.

Grigoriev, S. 2019. Central European impulses in Eastern Europe in the Early Second Millennium BC In *Slovenská archeológia*. T. LXVII-2, 225–239.

Großmann, R. 2016. Das Dialektische Verhältnis von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bd. 287. 280 s.

Gross-Klee, E. 1999. Glockenbecher: ihre Chronologie und ihr zeitliches Verhältnis zur Schnurkeramik aufgrund von C14-Daten In *Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*. Basel: Reinhardt Druck, 55–64.

Harrison, R. J. 1980. *The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe*. London: Thames and Hudson.

Hecker, W. 1995. Böhmisches Gruppe: Böhmen In *Freiburger Archäologische Studien. Glockenbecher-Phänomen*. Freiburg, No 2, 41–66.

Heyd, V. 2001. On the earliest Bell Beakers along the Danube In Nicolis, F. (ed.). *Bell Beaker today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Trento, 387–409.

Heyd, V. 2007. Families, Prestige Good, Warriors & Complex Societies: Beaker Groups of the 3rd Millennium cal BC Along the Upper & Middle Danube In *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 73, 327–379.

Heyd, V. 2007. When the West meets the East: the eastern periphery of the Bell Beaker phenomenon and its relation with the Aegean early Bronze Age In Galanaki, I. et al. (eds.). *Between the Aegean and Baltic Seas: prehistory across borders Liège: KLIEMO SA B-4700 Eupen*, 91–104 (in English).

Heyd, V. 2016. Das Zeitalter der Ideologien: Migration, Interaktion und Expansion im Prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. In Furholt, M. et al. (eds.). *Transitional Landscapes? The 3rd Millennium BC in Europe*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 54–85.

- Heyd, V. 2021. *Beaker in Southern Russia – Thing?* Available at: <https://bellbeakerblogger.blogspot.com/> (accessed 28.01.2022)
- Kienlin, T. L. 2008. Tradition and Innovation in Copper Age Metallurgy: Results of a Metallographic Examination of Flat Axes from Eastern Central Europe and the Carpathian Basin In *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 74, 79–107.
- Kuz'mina, O. V. 2021. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (Vestnik of Saint Petersburg University)* 4(26), 1206–1229 (in Russian).
- Liversage, D. 2003. Bell Beaker Pottery in Denmark – Its Typology and Internal Chronology. In Czebreczuk, J., Szmyt, M. (eds.). *The Northeast Frontier of Bell Beaker*. Oxford: The Basingstoke Press, 39–49.
- Makarowicz, P. 2003. Northern and Southern Bell Beaker in Poland In Czebreczuk, J., Szmyt, M. (eds.). *The Northeast Frontier of Bell Beaker*. Oxford: The Basingstoke Press, 137–154.
- Maran, J. 2007. Seaborne contacts between the Aegean, the Balkans and the Central Mediterranean in the 3rd millennium BC: The Unfolding of the Mediterranean World // In Galanaki, I. et al. (eds.). *Between the Aegean and Baltic Seas: prehistory across borders Liège: KLIEMO SA B-4700 Eupen*, 3–26 (in English).
- Massy, K., Knipper, C., Mittnik, A., Kraus, S., Pernicka, E., Wittenborn, F., Krause, J., Stockhammer, Ph. W. 2017. Patterns of Transformation from the Final Neolithic to the Early Bronze Age: A Case Study from the Lech Valley South Augsburg In Stockhammer, Ph. W., Maran, J. (eds.). *Appropriating Innovations. Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE*. Oxford-Philadelphia: Oxbow Books, 241–261.
- Matuschik, I. 1996. Brillen- und Hakenspiralen der frühen Metallzeit Europas In *Germania*. Jahr. 74. Hb. 1, 1–43.
- Mikołajczak, K., Szczodrows, R. 2012. The Bell Beaker phenomenon. Meanings of regional transmission In Fokkens, H., Nicolis, F. (eds.). *Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex*. Leiden: Sidestone Press, 177–189.
- Müller, A. 2001. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology In Nicolis, F. (ed.). *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Vol. 1. Trento, 589–599.
- Müller, J., Hinz, M., Ulrich, M. 2015. Bell Beakers – Chronology, Innovation and Memory: A Multivariate Approach In Martinez, M.P.P., Salanova, L. (eds.). *The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3rd millennium BC*. Oxford-Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 57–68.
- Müller, A., S. van Willigen. 2001. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology In Nicolis, F. (ed.). *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Vol. 1. Trento, 59–80.
- Nahrendorf, U. 2018. Westfalen in Endneolithikum und Früher Bronzezeit. Untersuchungen zur Besiedlungsgeschichte der Nordwestdeutschen Landschaft zwischen Niederrhein und Mittelweser In *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH., Bd. 309. 383 s.
- Neubert, A. 1994. Schnurreramik (SK), Glockenbecherkultur (GBK), Aunjetitzer Kultur (AK). Zum Übergang vom Neolithikum zur Bronzezeit In Her. Von H-J Beier, R. Einicke *Das Neolithikum im Mittelbe-Saale-Gebiet und in der Altmark*. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran, 291–310.
- Neugabauer, C., Neugabauer, J.-W. 1997. Frazhausen. Das frühbronzezeit Gräberfeld I. Horn: Verlag Ferdinand Berger & Söhne Ges. m. b. H., Teil II.
- Ondráček, J., Šebela, L. 1985. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) In *Studie Muzea Kroměřížska*. Kroměříž, 2–130.
- Peška, J. 2005. Protoúnětické pohřebiště z Pavlova In *Pravěk*. Brno, 83–118.
- Puttkammer, T. 1994. Glockenbecherkultur In *Das Neolithikum im Mittelbe-Saale-Gebiet und der Altmark. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas* 4. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran, 269–289.
- Sangmeister, E. 1984. Die «Glockenbecherkultur» in Sw-Deutschland In Guilaine, J. (Sous la direction de). *L'Age du Cuirve Européen. Civilisations à Campaniformes* Paris: GNRS, 81–106.
- Schmid C.-D., 1995. Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz In *Freiburger Archäologische Studien. Das Glockenbecher-Phänomen*. Freiburg, 1995. № 2. S. 84–100.
- Stockhammer, P. W., Massy, K., Knipper, C., Friedrich, R., Kromer, B., Lindauer, S., Rabosavljević, J., Wittenborn, F., Krause, J. *Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating*. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0139705&type=printable> (accessed 28.01.2022)
- Strahm, C. 2014. Das Glockenbecher-Phänomen aus der Sicht der Komplementär-Keramik In Czebreczuk (ed.). *Similar but Different. Bell Beakers in Europe*. Lenden: Sidestone Press, 101–126.

Strabm, C. 2019. Bell Beaker settlements in southern Germany In Gibson, A.M. (ed.). *Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective*. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 165–175.

Dalfes, H. N. et al. (eds). 1997. *Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps*. Berlin-Heidelberg: Springer.

Turek, J. 1998. The Bell Beaker period in North-West Bohemia In Benz, M. and S. van Willingen, S. (eds.). *Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise...?*. Oxford: Biddles Ltd., 107–119.

Turek, J. 2006. Beaker barrows and the houses of dead In Šmejda, L. (ed.). *Archaeology of Burial Mounds*. Plzeň: University of West Bohemia, 170–179.

Turek, J. 2006. Bell Beaker Gendered Cups in Central Europe In Gibson, A. (ed.). *Prehistoric Pottery: Some Recent Research*. BAR International Series 1509. Oxford: The Basingstoke Press, 63–68.

Turek, J., Černý, V. 2001. Society, gender and sexual dimorphism of the Corded Ware and Bell Beaker population In Nicolis, F. (ed.). *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*. Vol. 1. Trento, 601–613.

Vander Linden, M. 2006. *Le phénomène campaniforme dans l'Europe du 3ème millénaire avant notre ère. Synthèse et nouvelles perspectives*. BAR International Series 1470. Oxford.

Weiss, H. 2012. Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain In Weiss, H. (ed.). *Seven Generations Since the Fall of Akkad. Studia Chaburensia I*. Vol. 3. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 1–24 (in English).

Weiss, H. 2016. Global megadrought, societal collapse and resilience at 4.2-3.9 ka BP across the Mediterranean and west Asia In *Past Global Changes*. V. 24 (2), 62–63 (in English).

Weiss, H., Courty, M.-A., Wetterstorm, W., Guichard, F., Senior, L., Meadow, R., Curnow, A. 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization In *Science*. (261), 995–1003 (in English).

Wiermann, R. 1998. An anthropological approach to Burial customs of the Corded Ware Culture in Bohemia In Benz, M., van Willingen, S. (eds.). *Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise...?*. Oxford: Biddles Ltd., 129–140.

Wossink, A. 2009. Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press.

Zimmerman, T. 2007. Die ältesten kupferzeitlichen Bestattungen mit Dolchbeigabe In *Monografien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Bd. 71.

About the Author:

Mimokhod Roman A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanova Str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2022 г.
Статья принята к публикации 01.04.2022 г.